

Э. В. Будаев

**ВВЕДЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ЛИНГВИСТИКУ**

2020

Э. В. Будаев

Введение в политическую лингвистику

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Научно-технологические
2020

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

Б90

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов,
Уральский государственный педагогический университет;

д-р филол. наук, проф. С. Л. Кушнерук,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет.

Б90 Будаев Э. В. Введение в политическую лингвистику: учебное пособие. – СПб.: Научное издание, 2020. – 168 с.

ISBN 978-5-6044793-7-7

В учебном пособии охарактеризованы история развития, методология и ведущие направления политической лингвистики – научного направления, которое возникло на пересечении лингвистики с политологией и занимается изучением политической сферы коммуникации, рассмотрением средств и способов борьбы за политическую власть в процессе коммуникативного воздействия на политическое сознание общества.

Пособие адресовано студентам и аспирантам, специализирующимся в области политологии, связей с общественностью, лингвистики, межкультурной коммуникации, социологии, рекламной деятельности, журналистики, государственного и муниципального управления, а также всем, кто интересуется языком политики, методами и приемами речевого воздействия в политической сфере.

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

ISBN 978-5-6044793-7-7

© Будаев Э. В., 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение.....	6
Раздел 1. Политическая лингвистика как наука.....	9
1.1. Становление и развитие политической лингвистики как науки	9
1.2. Объект, предмет и основные направления исследований	22
Раздел 2. Методы политической лингвистики	47
2.1. Когнитивные методы	48
2.2. Риторические методы	54
2.3. Дискурсивные методы	61
2.4. Комплексные методики изучения политической коммуникации	71
Раздел 3. Хрестоматия по теориям политической лингвистики	77
3.1. Функциональная теория дискурса политической кампании	77
3.2. Исследования дискурса антисемитизма	109
3.3. Политическая метафорология.....	135
Список литературы	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, которые овладевают гуманитарными специальностями, в той или иной степени связанными с изучением взаимоотношений языка и общества. К числу этих специальностей относятся «Филология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Политология», «Социология», «Рекламная деятельность», «Связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Журналистика».

Основная задача учебного пособия состоит в ознакомлении студентов с историей возникновения, идеями, методами и ведущими направлениями зарубежной политической лингвистики – новой, активно развивающейся гуманитарной науки, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. В связи с этим в пособии выделены основные положения политической лингвистики, рассмотрена история ее возникновения и развития, охарактеризованы методы и ведущие направления в зарубежных исследованиях политической коммуникации.

Изучение политической лингвистики важно для студентов, поскольку будет способствовать лучшему пониманию, анализу и продуцированию (в том числе в процессе перевода на другие языки) соответствующих текстов. Одновременно изучение политической лингвистики поможет студентам лучше понимать происходящие в современном мире политические процессы, научиться видеть подлинный

смысл выступлений политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам данного пособия – доктору филологических наук, профессору А. П. Чудинову и доктору филологических наук, профессору С. Л. Кушнерук, ценные советы которых оказались очень важны при доработке книги.

Особая благодарность адресована нашим зарубежным консультантам. Мы признательны профессору Миссурийского университета Уильяму Бенуа за его ценные консультации по истории и современному состоянию американских исследований по политической лингвистике. Для нас было очень значимо творческое общение с европейскими специалистами по политической метафоре, особенно с профессором Петром Друлаком из Пражского института международных отношений (Чехия) и профессором Андреасом Мусолффом из Даремского университета (Великобритания).

Заслуживают глубокой признательности переводчики О. А. Ворожцова, Ю. А. Ольховикова, А. М. Стрельников.

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации. В связи с этим в России и за ее рубежами стремительно растет количество публикаций, посвященных политической лингвистике.

Появление все новых и новых исследований в сфере политической лингвистики, обращение исследователей ко все новым и новым аспектам изучения политического языка – все это требует всестороннего осмысления истории названного научного направления, его современного состояния, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными направлениями.

Следует отметить, что отдельные аспекты рассматриваемой в настоящем учебном пособии проблемы уже привлекали внимание специалистов. Вопрос о возникновении, историческом развитии и современном состоянии политической лингвистики в той или иной мере рассматривался в учебниках и учебных пособиях А. Н. Баранова «Введение в прикладную лингвистику» (2001), М. В. Гавриловой «Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике» (2003), А. А. Романова «Политическая лингвистика. Функциональный подход» (2002), И. В. Вольфсона «Язык политики. Политика языка» (2003), А. П. Чудинова «Политическая лингвистика» (2012), в монографиях Н. А. Купиной (1995), Е. И. Шейгал (2000), в двух выпусках коллективной монографии «Методология исследова-

ния политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов» (1998, 2000).

За рубежом монографии и учебные пособия по политической коммуникации получили широкое распространение с 70-х гг. прошлого века. Среди них «Введение в анализ политических текстов» Р. Бахема (1979), «Язык в политике. Введение в прагматику и семантику политического языка» В. Дикманна (1975), «Политический язык» М. Эдельмана (1977), «Язык политики» М. Гайса (1987), «Политическая коммуникация: Риторика, правительство и граждане» Д. Ф. Хана (1988), «Язык и политическое понимание» М. Шапиро (1981) и др. Среди последних работ выделяется книга П. Чилтона «Анализ политического дискурса» (2004) и учебник Н. Фэрклафа «Анализ дискурса» (2003).

В настоящем учебном пособии предпринята попытка своего рода обобщения и классификации современных исследований в области политической лингвистики.

Уже предварительные наблюдения позволили обнаружить, что абсолютное большинство современных исследований по политической лингвистике созданы в трех регионах – в Северной Америке, в Центральной и Западной Европе и в постсоветских государствах. Вполне закономерно, что национальность и место проживания ученого далеко не всегда определяют его принадлежность к тому или иному направлению в исследовании политической метафоры. Например, можно обнаружить, что концепции некоторых европейских ученых ближе к взглядам американских специалистов, чем к типично европейским представлениям. Отметим также стремление специалистов,

работающих в различных регионах, к взаимному согласованию своих концепций. Показательным примером в этом отношении служит исследовательский проект по решению вопроса о соотношении лингвистической и концептуальной метафоры, получивший название «Pragglejaz» по первым буквам имен десяти ведущих специалистов по метафоре из США, Гонконга и стран Европы (P. Crisp, R. Gibbs, A. Cienki, G. Steen, G. Low, L. Cameron, E. Semino, J. Grady, A. Deignan, Z. Kövecses).

Вместе с тем существуют определенные основания для выделения североамериканского, европейского и русского (восточноевропейского, постсоветского) направлений в исследовании политической коммуникации. Поэтому в процессе изложения учитывались не только собственно лингвистические характеристики соответствующих исследований, но и их принадлежность к одному из названных региональных направлений.

Композиция настоящего учебного пособия определяется стремлением автора, обратившись сначала к истокам современной политической лингвистики, последовательно рассмотреть все названные выше существенные признаки соответствующих исследований, выделив на этой основе ведущие принципы и закономерности современной политической коммуникации.

РАЗДЕЛ 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА

1.1. Становление и развитие политической лингвистики как науки

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики. Первоначально (то есть еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере. Среди ярких примеров изданий рецептурного характера можно назвать труды

Дейла Карнеги и Поля Сопера, в которых рассмотрено множество конкретных выступлений и публикаций, а также предложены достаточно эффективные рекомендации. В подобных публикациях метафора представлялась как весьма полезное «украшение» речи, умелое использование которого способно принести значительный прагматический эффект.

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства политических лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества, и политическая лингвистика не стала исключением. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудиви-

тельно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью Уолтера Липпманна, Пола Лазарсфельда, Гарольда Лассвелла.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (agenda-setting process), т. е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 г. У. Липпманн опубликовал исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду антибольшевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся

изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы¹, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы»² или приобретать облигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Гарольдом Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 чело-

¹ Опрос фокус группы (focus group interview) – метод исследования, когда одновременно по специально созданному сценарию опрашиваются несколько человек, подобранных на основе сходных характеристик.

² "Огороды победы" (Victory gardens) – домашние огороды американцев во время обеих мировых войн, к обустройству которыми активно призывало федеральное правительство.

век с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в

котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Продемонстрированный Г. Лассвеллом исследовательский потенциал методов количественной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды.

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия»

(doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Например, оказа-

лось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям «эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против

классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжаются до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

2. Политическая лингвистика шестидесятых – восьмидесятых годов XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например,

опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно также опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (*newspeak*) в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (*nukespeak*), т. е. «ядерный язык», который используют политики для

оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах» (Квадратура смысла, 2002, с. 16–17). По мнению французских ученых, американский контент-анализ «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления» (там же, с. 17). Соответственно задача исследователя – это обобщение различных способов выражения сходного содержания и статистический анализ полученных результатов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как «совокупность влостепенных технических приемов».

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет, Патрик Серио в тео-

рии дискурса Мишеля Пеше, главенствуют три имени, «объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие»: Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Фердинанд де Соссюр. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

Итак, в шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века получили распространение исследования политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе, политических метафор и символов. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатах, в партийном дискурсе и др. Все более тонким становится научный аппарат изучения политической коммуникации и все больше фактором учитывается при исследовании дискурсивной значимости тех или иных высказываний, текстов или корпусов текстов.

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются учебники по политической коммуникации и методам ее анализа.

3. Современный этап развития политической лингвистики. Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1. Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании (соответствующий обзор представлен в заключительном разделе настоящего издания). После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам.

2. Политическая лингвистика, первый этап развития которой характеризовался преимущественным вниманием к тоталитарному дискурсу, а второй – к политическому дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность,

социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3. На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (political linguistics, Politolinguistik), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии.

Более детальный обзор ведущих направлений современной политической лингвистики, сфер ее интересов и аспектов изучения политического дискурса представлен в последующих разделах.

Перейдем к рассмотрению предмета и основных направлений исследований в политической лингвистике.

1.2. Объект, предмет и основные направления исследований

У каждой науки есть свой предмет, то есть то, что непосредственно изучается данной наукой. Именно предмет отличает одну науку от другой. От предмета следует отличать объект, под которым понимается часть действительности, которая находится в фокусе внимания исследователя. Для иллюстрации различий между объектом и пред-

метом рассмотрим относительно простой объект этого мира – воду. Этот объект можно изучать в разных аспектах. Физик будет интересоваться такими параметрами воды, как давление, температура, масса, объем, агрегатные состояния. Химик сосредоточит внимание на роли этого неорганического соединения в различных реакциях, связанных с превращением веществ. Экономист будет рассматривать воду как товар и т. д. Таким образом, вода является объектом исследования для специалистов из разных наук, но предмет в каждом рассмотренном случае разный.

Объект политической лингвистики – политическая коммуникация. Но этим объектом интересуются многие науки (политическая философия, политология, социология и др.). **Предмет** политической лингвистики – особенности использования языка как средства борьбы за власть. Таким образом, политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию с функциональной стороны, как инструмент борьбы за управление обществом и перераспределение общественных благ.

В зависимости от поставленных задач и имеющегося текстового материала ученые выбирают тот или иной аспект изучения политической коммуникации. Рассмотрим основные направления.

1. Исследование языковых, текстовых или дискурсивных феноменов. В первом случае предметом внимания становится использование единиц, относящихся к тому или иному языковому уровню (лексика, фразеология, морфология, синтаксис). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой "пере-

стройке", создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы.

Во втором случае предметом исследования становятся текстовые единицы: при таком подходе специалисты изучают жанровые особенности политических текстов, их композицию, средства связи между частями, текстовые средства акцентирования смыслов и т. п. Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Языковеды изучают специфику парламентских дебатов, особенности митинговой речи, язык средств массовой информации. Лингвополитические исследования посвящены анализу настенных надписей, лозунгов, предвыборной полемики, политического скандала. Специально рассматриваются жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры.

В третьем случае единицами исследования становятся коммуникативные стратегии, тактики и роли. В рамках данного направления анализируется коммуникативное поведение субъектов политической деятельности. Современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют своего рода «речевые маски». Речевое поведение в значительной степени зависит от социально-коммуникативной роли политика, которая в свою очередь зависит от его социального статуса, от используемых стратегий, тактик и речевых приемов.

2. Исследование современного политического языка – историческое изучение политического языка. Специальные исследования показывают, что абсолютное

большинство исследований политической метафоры выполняется на материале современного дискурса. Вместе с тем появляются публикации, в которых рассматриваются метафоры, характерные для иных политических периодов.

Такой ракурс рассмотрения позволяет получить ответы на вопросы о динамике метафорических систем и проследить, как эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации. В наиболее общем виде исследователь политической метафорики в исторической перспективе может столкнуться с двумя взаимодополняющими свойствами системы политических метафор: *архетипичностью* и *вариативностью*.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафорики послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в 20 веке, но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного.

По мере накопления практических исследований становилось очевидным, что политическая метафорика обладает диахронической вариативностью. В 1977 году М. Осборн, основатель теории о неизменных архетипичных метафорах, опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов.

М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX веков, он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX веке речные и океанские метафоры были очень распространены.

Архетипичность политической метафоры получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафоры.

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных государствах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного

организма. К примеру, в эпоху королевы Елизаветы I и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сотни лет спустя в риторике Адольфа Гитлера, и в современном политическом дискурсе, в котором метафоры болезни – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах. Конечно, сфера-мишень для морбальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

Другим примером может служить антииммигрантский дискурс в США. Как показал американский исследователь Дж. О'Брайен, еще в начале XX века для осмысления иммиграции использовались образы природных стихий, военного вторжения, животных, трудноперевариваемой пищи, то есть метафоры, которые регулярно фиксируют американские исследователи в современной политической коммуникации.

Вместе с тем метафорическая система общественных представлений о политической реальности претерпевает со временем изменения. Эта вариативность системы политических метафор имеет два ракурса рассмотрения:

– корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе;

– доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для исследований первого направления послужила опубликованная в 1991 г. работа К. де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991], в которой с помощью методов контент-анализа было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существуют взаимозависимость. Исследовав голландский политический дискурс за период 1831–1981 гг., К. де Ландтсхеер удалось показать, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (ССС-theory). В очередном исследовании К. де Ландсхеер и Д. Вертессен, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что количество метафор увеличивается в предвыборный период.

Второе направление в изучении вариативности политической метафорики определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации. Например, политическая метафора «Государство – это организм» – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что

священство произошло изо рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. В Новое время политическую антропоморфную метафору использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Смена метафоры особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работа американского ученого Р. Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафоры в период демократизации общества. Как предположил исследователь, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Когда

люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа). Для подтверждения этой теории Р. Д. Андерсон обратился к анализу советских и российских политических метафор. Р. Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистической элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т. п.), метафоры превосходства и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*). Оказалось, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры (*диалог, спектр, левые, правые, сторонники, противники*). С появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р. Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии могут служить работы польского исследователя Збигнева Хейнтзе. Как указывает ученый, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали *атаковать последний бастион коммунизма, захватывать позиции, предпринимать тактические действия и торпедировать законопроекты*, но уже не в такой степени как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему Польши в первые годы переходного периода можно назвать системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непри-

миримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Британский лингвист А. Мусолфф проследил «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет [Musolff 2000]. Автор выделил два периода в развитии метафоры дома. 1989–1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997–2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *окупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

Динамика политических метафор прослеживается и на примере более короткого временного интервала. Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган рассмотрели

концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. [Kelly-Holmes, O'Regan 2004]. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако на первом референдуме ирландский народ проголосовал против изменения конституции, что не замедлило отразиться в метафорах немецкой прессы. До проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и метафорически представлялись в немецкой прессе как любовные отношения. После референдума метафоры любовных отношений исчезли, но появились негативные криминальные образы.

Зарубежные исследования политической коммуникации в исторической перспективе свидетельствуют о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

3. Исследование общих закономерностей политической коммуникации – изучение идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров. Языковеды обращаются к «речевым портретам» ведущих

политиков в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. Специалисты стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров.

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. В частности, обнаружено, что политические экстремисты (как правые, так и левые) более склонны использовать метафорические образы. Легко заметить повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических взглядов.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков были намечены еще в 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые рассмотрели милитарную метафору американского президента Дж. Картера [Lakoff, Johnson 1980].

В рамках исследований этого направления заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Berhó 2004] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона. Автор сопоставляет метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х. Д. Перона. А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры Politics

Is Work (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло будущему президенту огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х. Д. Перона к власти.

Особый интерес представляет сопоставление метафор в коммуникативной практике политиков из разных государств. В работах Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004, 2005], изучающего риторику британских и американских политиков, показано, как метафоры регулярно используются в выступлениях политических лидеров США и Великобритании для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях.

Подобные исследования позволяют выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной понятийной области для описания политической действительности. К примеру, «железная леди» М. Тетчэр склонна к военной метафорике, Дж. Буш младший активно использует криминальные образы, а С. Берлускони отдает предпочтение футбольным метафорам.

Выбор политиком определенной понятийной области для описания своего видения ситуации имеет немаловажное значение. Одну и ту же ситуацию можно представить как военный конфликт, в котором нужно во чтобы бы то ни стало разгромить противника, или как поломку транспортного средства, которую можно устранить при слаженной работе всех пассажиров. Метафоры политиков задают способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенного сценария для понимания и оценки этой ситуации.

Отдельное внимание зарубежных исследователей привлекает вопрос об использовании политиками «интертекстуальных метафор» (В. Кеннеди, Т. Рорер, И. Хеллстен, Й. Цинкен) [Hellsten 1997; Kennedy 2000, Rohrer 1991, 1995, Zinken 2002]. Подобные исследования в основном направлены на выявление способов убеждения адресата и ведения полемики посредством использования в своей речи интертекстуальных референций. Так, Т. Рорер показал, что в период иракского кризиса 1991 г. в американском политическом дискурсе использовались различные модели для осмысления кризиса и путей его преодоления. Если Дж. Буш апеллировал к событиям Второй мировой войны, то его противники (сенаторы-демократы) предпочитали вспоминать о войне во Вьетнаме.

4. Исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса. При отборе текстовых материалов (корпуса) для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода – узкий и широкий. В первом случае в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают весьма существенной спецификой.

При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные собственно политиками, но и другие тексты, посвященные политическим проблемам. Как отмечает П. Серию, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и

которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серио 2002: 21]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т. е. исследуя дискурс, мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего.

При полевом подходе специалисты разграничивают прежде всего институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.) и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета.

К периферии политического дискурса (в зоне его пересечения с официально-деловым дискурсом) относится аппаратная коммуникация, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата или сотрудников тех или иных общественных организаций. Это разного рода инструкции, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения и др.

Еще одну часть политического дискурса составляют тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов.

К периферии политического дискурса относятся также тексты, в которых используются элементы художественного повествования. Сюда относятся, разного рода «политические детективы», «политическая поэзия» и тексты весьма распространенных в последние годы политических мемуаров. Особую часть политического дискурса составляют посвященные политике тексты научной коммуникации.

Границы между шестью названными разновидностями политического дискурса не вполне отчетливы, нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение.

Большинство зарубежных политлингвистических исследований проводится на основе анализа медийного дискурса. Масс-медийный политический дискурс создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан. Существует значительная группа зарубежных публикаций, в которых политическая коммуникация изучается исключительно на материале институционального дискурса, и немногочисленную группу составляют исследования, выполненные исклю-

чительно на материале текстов, авторы которых не относятся к числу профессиональных политиков или журналистов.

Еще одна классификация источников изучения политической коммуникации основана на разграничении устной и письменной речи. К числу устных источников относятся, в частности, материалы парламентских дебатов, выступления политических лидеров на встречах с избирателями, митингах, официальных церемониях и др. Письменные источники – это программы политических партий и движений, листовки, лозунги, послания президента парламенту, выступления политиков в прессе и др. Различаются также материалы непосредственного диалога и материалы, предназначенные для трансляции при посредстве СМИ.

5. Сопоставительные и несопоставительные исследования. Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в различных государствах. В каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать "свое" и "чужое", случайное и закономерное, "общечеловеческое" и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности.

Для верификации этих положений рассмотрим исследования по политической метафорике в политических дискурсах стран Востока, составляющих контраст с большинством исследований, направленных на анализ политической метафорике в цивилизационном пространстве Запада.

Действительно, метафоры, распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером могут служить работы лингвистов из Азии. К примеру, Дж. Вэй продемонстрировала, что в Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и других понятийных сфер [Wei 2001]. Эти данные вполне сопоставимы с результатами похожих исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов США и государств Европы.

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении метафор в политическом дискурсе Сингапура. В частности, Л. Ви [Wee 2001] показал, что разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмыслялось в метафорах супружеских отношений, что является довольно устойчивым способом описания политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе Великобритании, Германии, Польши и других западных стран.

Метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией изучены И. Насальски [Nasalski 2004]. Как показывает польский исследователь, египетские

метафоры отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического своеобразия. Это своеобразие вызывает особый интерес, поскольку, с одной стороны, служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, а с другой – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Политический язык ислама» [Lewis 1991]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги

в стреланах. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле».

Действительно, если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Также интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе, и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Особенно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Сопоставление исследований политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что метафорическая картина политической действи-

тельности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Разумеется, Восток – это не только исламские государства и при обращении к другим его субрегионам обнаруживаются другие культурно обусловленные концептуальные особенности. К примеру, китайские метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами торговой сделки, но с моральным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками.

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, меняющуюся в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Довольно интересны наблюдения Дж. Вэй относительно традиционной китайской цветовой символики и ее взаимодействия с новообразованиями в политической метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, *носит красную шляпу*, косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции.

Разумеется, материалом для сопоставления могут служить политические дискурсы более близких в историко-культурном отношении государств. К примеру, Дж. Чартерис-Блэк, сопоставляя метафорику в инаугурационных обращениях американских президентов и политических манифестах лейбористов и консерваторов второй половины XX в., отметил, что в обоих корпусах проанализированных текстов распространены метафоры ПОЛИТИКА – ЭТО КОНФЛИКТ, ПУТЕШЕСТВИЕ И ЗДАНИЕ. Вместе с тем метафора огня обнаруживается только в американском корпусе. Некогда первый президент США Дж. Вашингтон употребил образ огня в своей речи о свободе нации. С тех пор метафорическая связь между огнем и свободой стала источником для интертекстуальных референций в президентских обращениях. С другой стороны, метафоры растений были зафиксированы только в британском корпусе, что связывается с традиционной любовью британцев к садоводству.

Также сопоставление позволило получить интересные данные о заимствованиях концептуальных метафор. Метафора ПОЛИТИКА – ЭТО РЕЛИГИЯ регулярно использовалась и до сих пор используется американскими президентами, в то время как в британских манифестах эта метафора появляется только в последнее время.

Продолжение сопоставительных исследований политического дискурса в различных странах, позволит лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой – специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

Подводя итоги представленного обзора, следует подчеркнуть, что многообразие аспектов исследования политической коммуникации отражает тот интерес, который проявляется к политической речи, и то многообразие материала, направлений анализа и позиций, которые характерны для современной политической лингвистики. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы противопоставлений.

1. Метод (когнитивный, риторический, дискурсивный и др.).
2. Deskриптивное или критическое описание.
3. Изучение языковых, текстовых или дискурсивных феноменов.
4. Синхронное или диахронное описание.
5. Изучение общих закономерностей политической коммуникации или же отдельных идиостилей.

6. Институциональный, медийный или иной дискурс.
7. Сопоставительное или несопоставительное исследование.

Вопросы и задания к разделу

1. Что является объектом политической лингвистики?
2. Что является предметом политической лингвистики?
3. Назовите основные направления исследований в политической лингвистике.

РАЗДЕЛ 2.

МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В современной зарубежной науке сложилось несколько основных направлений в исследовании политической коммуникации. Первое из них развивает традиционные взгляды на изучение политического языка, восходящие еще к античной риторике. В этом случае языковые единицы воспринимаются как форма для передачи мысли, как способ украсить мысль, сделать ее более доступной и прагматически значимой. При таком подходе основное внимание уделяется приемам создания политического текста.

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым речевая деятельность воспринимается как отражение существующей в сознании людей картины мира, как материал для изучения национальной, социумной и индивидуальной ментальности. Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Джорджу Лакоффу, однако он создавал свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к изучению политического языка возник значительно раньше.

В основе третьего направления лежит дискурсивный подход, в соответствии с которым политический текст изучается в дискурсе, то есть важное значение придается условиям создания и функционирования соответствующего текста, его взаимодействию с другими текстами, с национальной культурой и традициями, с политической ситуацией в регионе, стране и мире.

Рассмотрим специфику названных научных направлений на материале исследований, посвященных политической метафоре.

2.1. Когнитивные методы

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Мы взяли в скобки слово *основную*, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус основной операции.

Важной предпосылкой становления когнитивного подхода к исследованию метафоры стала смена научных представлений о ее онтологическом (метафора – ментальный феномен) и эпистемологическом (метафора – способ познания мира) статусах.

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон, Дж. Джейнс и другие исследователи.

Становлению когнитивного подхода к метафоре содействовали не только собственно когнитивно ориентированные исследования. Некоторые положения современной когнитивной теории метафоры были предвосхищены работами в русле традиционной риторики. Так, еще в 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориента-

ционных метафор в теории концептуальной метафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума» [Osborn 1967]. Подробный анализ «риторических истоков» когнитивной теории метафоры представлен в работах Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [2006, 2007, 2009, 2011].

Когнитивно и риторически ориентированные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» [Lakoff 1993] Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке».

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух кон-

цептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis). Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованны с определенной культурой и языком.

Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т. д. Вместе с тем, можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф, Джонсон 2004: 26–27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

Многообразии современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают все сферы человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями. Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации.

Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Помимо общей характеристики теории

концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с плановой экономикой.

На современном этапе исследователей политической метафоры особенно интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Например, А. Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, российские политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [Баранов 2004]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем, прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Исследователи сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инструмент манипуляции обще-

ственным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф [Lakoff 1991], предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества. В этом отношении показательна работа П. Друлака [Drulak 2005], в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии. В 1991 году чешский премьер-министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в своего рода «двойном доме» (DVOJ DOMEK). Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства. Следуя за П. Чилтоном и Дж. Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлениям о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом», поэтому ни чехи, ни словаки ее просто не поняли и предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации.

Как показывает представленный обзор, когнитивный подход к анализу коммуникации занимает ведущее поло-

жение в современной политической лингвистике, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными.

2.2. Риторические методы

К риторическому направлению в изучении политического дискурса принадлежат специалисты, стремящиеся использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методики (Р. Айви, Р. Д. Андерсон, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт, С. Томпсон и др.). Следует согласиться с тем, что новизна методики не гарантирует высокого качества исследования, что еще не до конца исчерпаны возможности традиционных методик изучения политической коммуникации. Вместе с тем наблюдается и несомненное развитие риторических методик.

Риторическое направление в изучении политической лингвистики возникло значительно раньше, чем когнитивное. Одним из первопроходцев в изучении политической метафорики по праву считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафоры опираются на уни-

версальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации:

1. Архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры.

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. В большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. Архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе.

Позже М. Осборн скорректировал широту выводов и статичность предлагаемой картины и пересмотрел категоричность некоторых постулатов в сторону эволюционизма, но исследователи политической метафоры в русле риторического направления опирались на полученные М. Осборном выводы и сохранили в своих исследованиях интерес к архетипичным метафорам в политической риторике, особенно в выступлениях крупных политических деятелей (К. Джемисон, С. Перри, В. Риккерт).

Вполне закономерно, что постулаты М. Осборна претерпевали изменения и уточнения. Усилия исследователей риторического направления были направлены не только на поиск архетипичных, т. е. универсальных метафор и их вариаций, но и на выявление культурно обусловленной специфики политической метафорики. Поиску ключевых культурных метафор, использующихся на протяжении длительного периода времени, посвящено исследование Рональда Карпентера [Carpenter 1990]. Исследователь рассмотрел американский публичный дискурс (со времен Американской революции до середины 80-х годов 20 века), так или иначе имеющий отношение к участию США в войнах, и обнаружил, что во многих американских политических обращениях, американские солдаты представляются как *frontiersmen* – люди, живущие или работающие в приграничной зоне. Ранняя история США – это история продвижения европейских поселенцев с восточного побережья на Запад, сопровождавшегося конфликтами с Британской метрополией и военными столкновениями с индейцами. Образ сильного и смелого человека из приграничной зоны (*frontiersman*), «охотника из Кентукки», «воина с западными индейцами» на протяжении долгого времени используется для привнесения положительной оценки в образ американского солдата. Соответственно и для врага находятся соответствующие исторические аналогии. Например, в конце 1890-х годов президент Т. Рузвельт сравнивал вооруженных филиппинцев (во время конфликта с американскими войсками) с команчами, сиу и апачами.

Много внимания уделялось метафорике милитаристского дискурса. Такие исследования, в частности, показав-

ли, что в американской политической коммуникации устойчивы метафоры дегуманизации врага; религиозно окрашенные метафоры противостояния добра и зла; метафоры, апеллирующие к американской военной истории (Р. Айви, Дж. Йенсен, М. Медхёрст, Д. Хейзи).

Помимо архетипичных и специфичных политических метафор внимание исследователей в прошлом веке было направлено на анализ аргументативного потенциала политической метафоры. По понятным причинам материалом для таких исследований служили метафоры в выступлениях победивших на выборах политиков (Р. Айви, С. Дафтон, Х. Стелцнер). Вместе с тем метафоры в идиолектах политиков, оппозиционной существующей власти и претендующих на нее, также рассматривались как важный материал для исследования метафорической аргументации в целом (Дж. Блэнкеншип, Д. Генри).

Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач. Как показывает Х. Стелцнер, американский президент Дж. Форд объявил, что намерен вести войну с инфляцией, но не смог проводить соответствующую политику и «доказать подлинность однажды произнесенной метафоры, которая требовала от него больше, чем он хотел или мог сделать» [Stelzner 1977: 297].

Хотя разрабатываемые в рамках политической лингвистики лингвопрагматические аспекты функционирования метафоры важны, они не исчерпывают всей сложности феномена политической метафоры. Примечательно, что по

мере становления когнитивного подхода исследования политической метафоры, декларируемые как риторические, по существу обращались к анализу метафоры как когнитивному феномену.

В современных исследованиях, относящихся к риторико-прагматическому направлению в исследовании политической метафоры, прослеживается две тенденции. В первом случае, лингвисты, не ссылаясь на исследования по когнитивной метафоре, заимствуют некоторые идеи и термины когнитивной лингвистики. Примером могут служить исследования тактик «риторического фрейминга». Так, У. Бенуа рассмотрел такую тактику на примере анализа метафор в предвыборных обращениях Б. Клинтона и Б. Доула 1996 года [Venoit 2001]. Обращаясь к избирателям, Б. Доул заявил о необходимости построить «мост к прошлому», в котором когда-то царили стабильность и спокойствие. Две недели спустя его оппонент пообещал избирателям помочь построить «мост в будущее». Б. Клинтон указал на преимущества своего видения перспектив развития страны и выставил свою позицию в более выгодном свете в рамках метафорического фрейма оппонента. При другом подходе исследователи не используют терминологию когнитивной науки, но, разрабатывая прагматические аспекты политической метафоры, рассматривают метафору и как значимый инструмент речевого воздействия и как феномен, отражающий важные характеристики общественного сознания.

Для более глубокого понимания проблем взаимодействия и даже конкуренции риторических и когнитивных исследований особенно показательным сопоставлением мета-

форического анализа одних и тех же событий в обоих научных направлениях. В 1991 году Дж. Лакофф опубликовал широко сейчас известное исследование об американских метафорах, которые использовались для оправдания первой войны в Персидском заливе. Ведущую роль в обосновании необходимости войны играли метафоры ПОЛИТИКА – это БИЗНЕС, ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК, ПОЛИТИКА – это АЗАРТНАЯ ИГРА; не меньшую роль в оправдании играла «сказка о справедливой войне», основу которой составляла классическая схема НЕВИННАЯ ЖЕРТВА (Кувейт), ЖЕСТОКИЙ ЗЛОДЕЙ (Ирак) и ДОБЛЕСТНЫЙ СПАСИТЕЛЬ (Соединенные Штаты). В арабском мире популярной была семейная метафора: ВОЙНА между Кувейтом и Ираком – это ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ, следовательно, старший брат (ИРАК) имеет полное право «поучить» младшего брата (КУВЕЙТ). Всякое вмешательство чужаков в семейные дела – совершенно бессмысленны, братья во всем сами разберутся.

Риторическим аналогом этой работы может служить исследование Б. Бэйтса («Аудитории, метафоры и война в Персидском заливе») [Bates 2004]. Определяя теоретическую базу своего исследования, Б. Бэйтс приводит традиционный для риторического направления ряд ссылок на работы М. Осборна, К. Берка, Р. Айви и других исследователей и использует популярную в риторическом направлении методику анализа метафорических кластеров. Дж. Буш использовал в своих обращениях метафоры кластера SAVAGERY (ДИКОСТЬ) для оправдания вмешательства Америки в конфликт и кластера CIVILIZATION (ЦИВИЛИЗАЦИЯ) для убеждения глав других государств создать

антииракскую коалицию. Метафорические кластеры реализуют, то, что К. Бурке называл «типичной историей» (representative anecdote), которая в варианте Дж. Буша редуцировала существующую ситуацию до простого сценария: «не США выступают против Ирака, а дикарь против цивилизованного мира». Кластеры отображают оппозицию, которая не оставляет альтернативы, так как все народы считают себя цивилизованными. Как показывает Б. Бэйтс, лидеры государств антииракской коалиции восприняли предложенную Дж. Бушем «типичную историю» и воспроизводили эти кластеры в своих выступлениях, в том числе и египетский лидер Хосни Мубарак, и турецкий президент Турук Озал. Читатель, знакомый с исследованием Дж. Лакоффа, легко проведет параллели между «сказкой о справедливой войне» и «типичной историей». Вместе с тем, методика анализа метафорических кластеров разрабатывалась параллельно с теорией концептуальной метафоры, а использование в риторике «типичной истории» было подмечено К. Берком в 60-х годах прошлого века.

Отметим также, что Джордж Лакофф и многие другие американские приверженцы когнитивного направления последовательно демонстрируют либерализм своих политических взглядов и критикуют слова и дела руководителей родной страны, заимствуя некоторые приемы из методики критического анализа дискурса. Последователи риторического направления, как правило, придерживаются консервативных взглядов. Например, у Б. Бэйтса изучение метафорических кластеров и «типичной истории» – это свидетельство, едва ли не апологетика риторического «ге-

ния» Дж. Буша (или его спичрайтеров), который смог убедить весь мир вступить в коалицию. Одновременно Б. Бэйтс выражает опасения, что данная тактика может не сработать, когда это вновь потребуется для защиты интересов США.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что становление современной теории политической метафоры сопровождалось диалектическим взаимодействием формирующейся когнитивной парадигмы и развитием традиций исследования метафоры в русле лингвопрагматики. Не только когнитивная теория метафоры вносила коррективы в работы, ориентированные на традиционные методы исследования, но и некоторые разработки по исследованию метафоры в политической лингвистике предшествовали или сопутствовали когнитивной теории метафоры.

Становление современной теории политической лингвистики характеризуется переплетением и филиацией идей, кристаллизация которых проходила в несколько этапов и в нескольких методологических направлениях. Важно подчеркнуть, что характерная черта риторического направления в изучении политической коммуникации – это взгляд на язык как средство, выполняющее эстетическую и прагматическую функции.

2.3. Дискурсивные методы

Дискурсивное направление в зарубежной политической лингвистике существует в двух вариантах. Первый из них обозначается как критический анализ политического дискурса (критический дискурс-анализ), а второй – как дескриптивный анализ политического дискурса.

Критический дискурс-анализ. Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления [Будаев 2016]. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы.

Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. За рубежом выходят специальные журналы, представляющие публикации названного направления, созданные в различных странах: «Discourse and Society» («Дискурс и общество») и «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса»).

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендер-

ному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном обществе.

Внимание специалистов по критическому дискурсу-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Примером могут служить исследовательские программы, выполненные под руководством Т. ван Дейка в Голландии. При реализации этих программ изучается то, как суринамцы, турки, марокканцы и другие «чужаки» представлены в публикациях голландских СМИ, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и др. В исследованиях, выполненных под руководством Рут Водак, детально охарактеризован антииммигрантский и антисемитский дискурс в Австрии.

Европейские исследователи показывают, что в средствах массовой информации иммигранты из неевропейских стран регулярно представляются через образы наводнения, военного вторжения, болезни, нашествия животных, пожара. Важный результат сопоставления националистических дискурсов в различных европейских странах состоит в обнаружении значительного сходства между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «чужих», которые преимущественно представлены как нарушающие традиционные

нормы, то есть лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся в СМИ и законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языках, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов.

Помимо внутривнутриполитических проблем (гендерное, этническое, социальное неравенство) объектом критического исследования становятся международные отношения. Лингвисты критического направления уделяют много внимания исследованию «неравенства между государствами», которые являются членами международных организаций и де-юре, но не де-факто, обладают равными правами.

При всем многообразии современных вариантов критического анализа политического дискурса все они методологически восходят к трем основным школам:

- когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка;
- дискурс-анализ Н. Фэрклау;
- немецкая школа критического анализа дискурса (З. Егер, У. Маас, Ю. Линк), особое место в которой занимает социолингвистический дискурс-анализ Р. Водак и ее коллег по венской школе дискурс-анализа (Г. Вайс, Х. Людвиг, П. Новак, Й. Пеликан, М. Седлак).

В зависимости от исследовательских традиций в понимании дискурс-анализа ученые указывают на различные элементы экстралингвистической действительности, обладающие дискурсообразующим характером. Так, отправной точкой в разработке принципов дискурс-анализа по Т. ван Дейку стало положение о том, что пренебрежение социально-когнитивными факторами представляется од-

ним из главных теоретических недостатков большинства работ в русле критической лингвистики и дискурс-анализа. В концепции Т. ван Дейка акцент ставится на моделировании когнитивных структур в общественном сознании посредством анализа дискурса, направленного на легитимизацию социального неравенства.

Другой вариант критического дискурс-анализа предложен британским ученым Н. Фэрклау. Характерными чертами его подхода являются привнесение в дискурс-анализ эвристик анализа интертекстуальности и пристальное внимание к вопросу о различиях в восприятии одного и того же коммуникативного события разными аудиториями. В отличие от критического дискурс-анализа по Т. ван Дейку, последователи Н. Фэрклау обычно отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания. В концепции Н. Фэрклау, язык и семиозис рассматриваются в первую очередь как социальные, а не когнитивные, феномены, а основной задачей исследования становится анализ социальных последствий (social effects) определенного дискурса (дискурса глобализации, дискурса «нового капитализма», дискурса «нового либерализма» и др.).

В немецкоязычном научном дискурсе наибольшее распространение получил критический дискурс-анализ по Р. Водак. Анализ дискурса антисемитизма привел Р. Водак к разработке подхода, определяемого ею как социо-исторический метод. С помощью этого метода предпринимаются попытки систематически интегрировать всю доступную фоновую информацию в анализе и интерпретации

всех уровней письменного или устного текста. Согласно теории Р. Водак, язык не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс всегда историчен, т. е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде. Фокусировка внимания на социо-историческом контексте дискурса в процессе объяснения и интерпретации – особенность, отличающая этот подход от дискурс-анализа по Т. ван Дейку и сближающая его с идеями об интертекстуальности в дискурс-анализе Н. Фэрклау. Вместе с тем Р. Водак указывает на отсутствие перспектив у критического дискурс-анализа, используемого в отрыве от когнитивной методологии.

Близкие к критическому дискурс-анализу установки прослеживаются в исследованиях, проводимых американскими лингвистами в рамках «риторической критики» (*rhetorical criticism*), и антимилитаристских работах Дж. Лакоффа, Н. Хомского и других исследователей.

Дескриптивный дискурс-анализ. В отличие от критического дискурс-анализа, при дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В зарубежной политической лингвистике существует множество вариантов дескриптивного анализа политического дискурса. Эти варианты представляют собой набор

методик и подходов, пересекающихся по многим параметрам и объединяемых по принципу «фамильного сходства».

Так, Р. Д. Андерсон [2008] совмещает анализ политической метафорики с *дискурсивной теорией демократизации*, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. Чешский лингвист П. Друлак предпринял попытку синтезировать эвристики концептуального исследования с методами *дискурсивного анализа социальных структур* по А. Вендту. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных.

Важное место в политической лингвистике занимает *комбинаторная теория кризисной коммуникации* (CCC-theory) (И. де Врий, Х. де Ландтсхеер) [De Landtsheer, De Vrij 2004]. В русле этой теории исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны.

Теория *дискурсивного понимания метафоры* разрабатывается рядом немецких лингвистов (Й. Вальтер, Й. Хельмиг, Р. Хюльссе). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный, сколько социальный феномен [Walter, Helmig 2008]. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей пред-

ставлений, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности». Согласно названной теории, сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль).

Еще одно направление представлено исследованиями в русле *постмодернистской теории дискурса* (Лаклау, Хансен, Ховарт). Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (*empty signifiers*) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «*We can do it ourselves*» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих».

Значимое место в дескриптивном анализе политического дискурса занимает метод *контент-анализа*. Становление и развитие этого метода применительно к исследованию политической коммуникации связано с работами Г. Лассвелла, Н. Лейтес, У. Липпманна, С. Якобсона, Д. Каплана, А. Грея, Дж. Гольдсена и др.

Среди хрестоматийных примеров эффективного использования этой методики – предсказание британскими и американскими аналитиками использования фашистской

Германией крылатых ракет «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2» против Великобритании, сделанное на основе анализа пропагандистских кампаний в Германии. Другой пример связан с работой американской военной цензуры в годы Второй мировой войны: повторение определенных тем в прессе послужило основой для обвинения редакторов некоторых СМИ в связях с нацистами.

При использовании контент-анализа исследователи ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме. Первоначально девизом подобных исследований было «чем больше корпус, тем лучше». Однако многие исследователи акцентировали внимание на важной роли небольшого, но специально подобранного корпуса политических текстов. При подобном подходе материал для контент-анализа связан с конкретным политическим событием, институциональным дискурсом, определенным временным периодом.

Знаменательным исследованием, выполненным в рамках контент-анализа, стала опубликованная в 1991 году работа Х. де Ландтсхеер, в которой на примере анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор [De Landtsheer 1991]. Впоследствии Х. де Ландтсхеер и ее

коллеги, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, доказали, что количество метафор в СМИ увеличивается в предвыборный период. Полученные с помощью контент-анализа данные позволили математически доказать тезис о том, что метафора является способом преодоления проблемных ситуаций и средством воздействия на процесс принятия решений.

С помощью контент-анализа лингвисты прослеживают самые разнообразные корреляции между языком политики и общественными процессами. К примеру, Дж. Мермин провел контент-анализ текстов институционального и медийного политического дискурса США, темами которых были военные операции в Гренаде, Панаме и Ливии. Исследователь показал зависимость между динамикой количества критических мнений по поводу военных операций в СМИ и ужесточением/ослаблением официальной цензуры.

Колоссальный комплекс текстов, относящихся к избирательным кампаниям в США и многих других странах, тщательно обработан в исследованиях У. Бенуа и его коллег. Используя контент-анализ и функциональную теорию анализа политического дискурса, У. Бенуа детально анализирует коммуникативные тактики Восхваления, Нападения и Защиты, которые используются различными кандидатами. Совокупный эффект множества сообщений, воспринятых избирателем из разных источников и реализующих три обозначенные функции, под влиянием личных мнений и ценностей избирателей, должны, в конечном счете, определить их электоральное решение.

2.4. Комплексные методики изучения политической коммуникации

Во многих современных исследованиях когнитивный, дискурсивный или риторический анализ дополняется методами, характерными для культурологии (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии (социолингвистики), сопоставительной и типологической лингвистики.

Широкое распространение получило обогащение базисных методов политической лингвистики с использованием эвристик нейролингвистических и психолингвистических теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры.

Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление вполне закономерный этап в развитии когнитивистики, как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне. Если в традиционной когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, т. е. рассматривали языковые явления с позиций принципа когнитивного обязательства, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественно-

научный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивными и лингвистическими феноменами рассматривается уровень моделируемых с помощью компьютеров коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 90-х годов, когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Например, при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности.

Еще одним направлением развития нейрокогнитивной теории метафоры стали практические разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Такую программу С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе.

На становление нейрокогнитивного подхода оказала влияние теория первичных и сложных метафор (Дж. Грэди) [Grady et al. 1999; Grady 2005], теория блендинга (М. Тернер, С. Коулсон, Ж. Фоконье) [Fauconnier 2009; Fauconnier, Turner 2002; Turner, Fauconnier 1995,

2000] и изучение когнитивных процессов периода «конфляции» (К. Джонсон). Согласно исследованиям этого направления, метафоры можно разделить на первичные (primitive) и сложные (complex). Процесс формирования первичных метафор происходит в раннем детстве в период так называемой фазы «конфляции», когда субъектный и сенсорно-моторный опыт еще не разъединены. Связи, установленные в этот период, сохраняются и проявляют себя на протяжении всей жизни человека и служат основой для формирования сложных метафор, которые образуются из первичных путем концептуального блендинга. Первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных атомов абстрактного мышления, детерминированных телесным опытом, поэтому и сложные метафоры, в конечном счете, должны быть связаны с сенсомоторной деятельностью.

Подтверждения этой гипотезы предлагают исследователи психолингвистического направления. Основные сомнения у психолингвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемыми носителями языка. Эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р. В. Гиббсом и Н. Л. Вилсон [Gibbs, Wilson 2002]. В ходе эксперимента было установлено корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных, в том числе стертых метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от нацио-

нальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). Другие подтверждения тесной взаимосвязи между абстрактными концептами и деятельностью мозга по регулированию сенсомоторной деятельности человека предоставляет нейробиология, точнее все та же нейронная теория языка (neural theory of language) и теория «зубьев» (theory of cogs). Опираясь на названные теории и выдвинутые в когнитивной лингвистике гипотезы, американский лингвист Джордж Лакофф и итальянский нейробиолог Витторио Галлези продемонстрировали, что одни и те же участки мозга «отвечают» как за концепты, связанные с сенсомоторной деятельностью, так и за концепты, связанные с абстрактными идеями [Gallese, Lakoff 2005].

Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистическим и психоаналитическим методикам при анализе политического дискурса. Исследования этого направления часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Психолингвистические методы исследования метафоры позволяют получать данные об особенностях осмысления мира политики рядовыми гражданами, определенными социальными группами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Примером ис-

пользования психолингвистической методики изучения политических метафор может служить проведенное В. Харди [Hardy 2003] анкетирование американских граждан на предмет их отношения к законопроекту об ограничении образования на испанском языке и установлении английского языка в качестве единственного официального языка штата Калифорния. Результаты позволили показать важную роль метафоры в осмыслении политических проблем рядовыми гражданами и вместе с тем показало, что метафорическое представление о действительности среди рядовых граждан во многом совпадает с картиной мира, предлагаемой в СМИ.

Помимо анкетирования ученые активно используют анализ интервью (Г. Бонхэм, В. Майер-Шенбергер, Т. Оберлехнер, Д. Херадштейт). Преимущество метода интервьюирования для анализа политической коммуникации связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов, над которыми автор имел достаточно времени подумать (если конечно участнику интервью вопросы не сообщались предварительно).

Ряд методов основывается на теориях глубинной психологии. Исследования этого направления объединяются стремлением обнаружить в политических метафорах проявление архетипов коллективного бессознательного (С. Кин, М. Огустинос, С. Пенни).

Отдельным направлением анализа политической коммуникации является политолого-социологический анализ. В данном случае получение научного знания основывается не столько на анализе собственно лингвистических явле-

ний, сколько на пространных аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. Подобное исследование на примере бразильского политического дискурса провела Л. Канедо, показав, что, несмотря на функционирование в Бразилии демократических институтов, понятие «передача власти» находится в тесной связи с традиционной бразильской метафорой политики как семьи.

Представленный обзор свидетельствует, что на современном этапе развития в политической лингвистике формируется оригинальная методологическая система, включающая три базисных метода (когнитивный, риторический и дискурсивный) и целый ряд дополнительных методов. Такое обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам, что в комплексе создает условия для полного и многоаспектного исследования политического дискурса.

Вопросы и задания к разделу

1. Назовите основные группы методов политической лингвистики.
2. В чем заключается особенность когнитивных методов исследования?
3. В чем заключается особенность риторических методов исследования?
4. Что такое дискурс и дискурс-анализ?
5. Охарактеризуйте методики комплексного характера.

РАЗДЕЛ 3.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ТЕОРИЯМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В последние годы исследования политической коммуникации активно ведутся на всех континентах. Как известно, наука не признает границ, и российский ученый по своим лингвистическим взглядам и методикам может быть ближе к американским специалистам, чем к коллегам с соседней кафедры. Вместе с тем специальные наблюдения позволяют выделить три основных региональных научных объединения – Североамериканское, Восточноевропейское (постсоветское), основу которого составляют исследования российских ученых, и Европейское, к которому относятся специалисты, работающие в Центральной и Западной Европе. Представителей каждого из этих объединений связывают не «общее выражение лица» или точный набор признаков, а некоторые черты «фамильного сходства».

В настоящем разделе представлены фрагменты работ, отражающие важные черты современной политической лингвистики в этих трех регионах.

3.1. Функциональная теория дискурса политической кампании

Функциональная теория дискурса политической кампании была предложена североамериканским исследователем У. Бенуа.

У. Бенуа – профессор Миссурийского университета (США), главный редактор журнала «Communication Studies» и член редколлегии журналов «Journal of Applied

Communication Research», «Southern Communication Journal», «Communication Quarterly», «Asian Journal of Communication», «Western Journal of Communication», «Journal of Broadcasting and Electronic Media»; автор «теории построения риторического дискурса» и «функциональной теории дискурса политической кампании», получивших широкое признание в США и других странах. Автор одиннадцати монографий, посвященных анализу политического дискурса избирательных кампаний, теории риторического критицизма, «конверсационной памяти» и теории убеждения. В последние годы У. Бенуа и его коллеги исследовали дискурс избирательной компании с позиций функциональной теории в десятках стран мира, охватив период 1948–2004 гг. Функциональная теория исследования дискурса избирательных кампаний имеет значительный потенциал. Она успешно использовалась для изучения избирательных кампаний как в США, так и за их пределами.

Представленная далее статья, приводимая здесь в учебных целях с сокращениями, была специально написана У. Бенуа для российских читателей по просьбе профессора Э. В. Будаева. Полностью исследование было опубликовано в «Известиях Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Вып. 18» (Екатеринбург, 2006) и в книге Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2006).

Функциональная теория дискурса политической кампании

Во многих странах проводятся избирательные кампании на право занимать государственные должности. Государственный строй различных стран и проводимые в них избирательные кампании имеют ряд отличий. В некоторых странах избиратели голосуют непосредственно за кандидатов; в странах с парламентской формой правления избиратели отдают голоса за политическую партию. Требования к избирателям и правила участия кандидатов и политических партий в выборах также разнятся в отдельных странах. Например, отличием системы правительства в Северной Корее является то, что президент может избираться на один срок и не может иметь вице-президента. Следует помнить о данных различиях и их важности. Тем не менее, основная ситуация на выборах – политические кандидаты, партии и организации, пытающиеся убедить большинство избирателей проголосовать за них или представляемые ими политические партии, – является доказательством существования общих черт. Кроме того, в ситуации унифицирования систем массовой информации во всем мире можно утверждать и то, что формы сообщений избирательных кампаний начинают все больше походить друг на друга. Политические дебаты и телевизионная реклама, например, регулируются законодательством, но могут рассматриваться скорее как медийные события, а не как аспекты системы правительства.

В настоящей статье описывается функциональная теория дискурса политической кампании, которая может применяться для анализа сообщений избирательных кампаний

в США и, в меньшей степени, в других странах. Очевидно, что данный подход не единственный, однако он заслуживает внимания. Не вызывает вопросов и тот факт, что сообщения политической кампании носят инструментальный характер и направлены на достижение определенной цели (получение политической должности), то есть функциональны по своей сути. Конечно, небольшое количество кандидатов, не имеющих реальных шансов на победу, претендуют на пост в целях саморекламы, но таковых меньшинство. Большинство кандидатов используют предвыборные сообщения для убеждения избирателей проголосовать именно за себя, а не за оппонентов. Анализ языкового материала избирательных кампаний в рамках функциональной теории поможет понять сообщения различных реальных претендентов на государственные посты.

АКСИОМЫ. Функциональная теория дискурса политической кампании основана на 6 исходных положениях, которые подробно представлены ниже. Читатели настоящей статьи, интересующиеся политическими кампаниями, могут судить о соответствии данных положений конкретной ситуации в различных государствах.

1. Голосование – это акт сравнения. При голосовании перед каждым гражданином стоит очевидный выбор, а именно: за какого кандидата (или политическую партию) отдать свой голос. Этот выбор между двумя (или более) возможностями, естественно, содержит в себе сравнительное суждение. Неразумно полагать, что все партии или кандидаты одинаково хороши. Возможно также, что избиратель не примет некоторые предложения кандидата или партии, так как среди большинства хороших могут быть и

плохие. Каждый избиратель решает для себя, какой кандидат (или партия) представляется ему наиболее предпочтительным на основании наиболее значимого фактора.

2. Кандидаты должны выделяться среди оппонентов. Первое положение функциональной теории о том, что голосование – это акт сравнения, определяет последующее: если голосование – акт сравнения, то одним кандидатам необходимо сообщить избирателям, каким образом они отличаются от других. Если гражданин не видит разницы между двумя кандидатами, у него нет причины предпочитать одного кандидата другому. Это означает, что кандидаты, участвующие в конкурентных избирательных кампаниях, должны четко обозначить свои отличия от оппонентов и донести их до сознания электората.

Однако не стоит полагать, что кандидат на выборную должность должен противоречить своим оппонентам по каждому вопросу. Очевидно, что все кандидаты захотят поддержать оборонную мощь страны, увеличить количество рабочих мест и понизить уровень инфляции. Однако средства достижения данных целей могут быть различными. В связи с этим можно ожидать определенные схожие черты в позициях кандидатов. Но все же, если избирателю необходимы основания для выбора одного кандидата, а не другого, кандидаты должны прояснить избирателю хотя бы некоторые свои отличия от оппонентов.

3. Сообщения политической кампании – важная движущая сила для различения кандидатов. Первые два положения определяют третье: кандидаты используют определенные сообщения в рамках предвыборной кампании для акцентирования своих отличий. Некоторые сообщения по-

падают к избирателям напрямую: через речи кандидата, телевизионные передачи, печатные агитационные материалы, теледебаты, материалы интернет-сайтов кандидатов. С другой стороны, часть информации (к которой также относится информация из пресс-релизов) доставляется избирателю посредством СМИ – через новости, освещение кампании журналистами. Не только СМИ, но и другие заинтересованные организации и лица, также распространяют информацию о кандидатах. Однако анализ показывает, что избиратели не всегда могут полагаться на СМИ для получения данной информации. В своем исследовании Пэттерсон и МакКлор (1976) пришли к следующему выводу: в 1972 г. в США "в ходе коротких дополнительных выборов, рекламные материалы президентов содержали в себе гораздо больше информации о выборах, чем сообщения телевизионных комментаторов".

Напомним три основных факта, касающихся освещения предвыборных кампаний: (1) новости выполняют так называемую "функцию швейцара", решая, какие идеи кандидатов донести до избирателей, а о каких умолчать, (2) новостийные СМИ имеют возможность прокомментировать идеи кандидатов, таким образом положительно или отрицательно оценивая последних, и (3) в новостях гораздо большее внимание уделяется вопросам лидерства кандидатов (кто впереди, какова стратегия кампании, ее основные события), нежели политическим позициям кандидатов и их соответствию искомым должностям. Итак, избиратели могут получить информацию о кандидатах и их политических взглядах на ряд вопросов не только посредством сообщений кандидатов, но и через новости.

Многие избиратели получают информацию о кандидатах и их политических позициях от других избирателей в политических беседах. Необходимо пояснить, что мы не разделяем идею теории "лидеров общественного мнения", в соответствии с которой небольшое количество людей ("лидеры общественного мнения") получают информацию из сообщений кандидатов и затем передают ее другим гражданам. Нам представляется, что любой человек может владеть информацией о выборах, неизвестной для его собеседника, которой они обмениваются в ходе дискуссии на политическую тему. Или, например, сегодня вы рассказали своему другу то, что он не знал о предстоящих выборах, а завтра он расскажет вам что-то новое. Итак, многие избиратели получают информацию о политической кампании, взаимодействуя друг с другом.

Таким образом, избиратели получают информацию о кандидатах и выборах из нескольких источников, а именно: из сообщений самих кандидатов, из освещения кампании в новостях, через сообщения других людей или групп людей и посредством политических дискуссий. Не забывайте о том, что все перечисленные источники имеют очень сложную структуру: кандидаты могут выступать с речами, участвовать в дебатах, телевизионных политических рекламных роликах, появляться в ток-шоу, создавать страницы в интернете, а также использовать другие формы сообщений (при этом кандидаты могут делать это многократно). У избирателей есть доступ к телевизионным новостям (по разнообразным широкоэвещательным, кабельным и интернет-каналам), а также к самым разнообразным газетам и журналам. Гражданин имеет возможность обсудить

выборы с разными людьми, каждый из которых обладает определенной информацией и имеет свою точку зрения. Сообщения из нескольких источников могут подкреплять друг друга, противоречить друг другу или относиться к различным темам. Современная избирательная компания разворачивается в сложном медийном окружении, состоящем из сотен тысяч различных сообщений. Каждый отдельный избиратель не способен получить все сообщения, однако доступная информация о кандидатах на выборную должность может носить комплексный характер (в частности, чем выше искомая должность, тем больше денег кандидаты затрачивают на кампанию, и тем более выгодной она становится для СМИ). Хотим пояснить, что ни в коей мере не предполагаем, что все избиратели (или даже большинство избирателей) проявляют значительный интерес к выборам или ищут информацию о кандидатах, их взглядах на проблемы, критически оценивают информацию (и источники информации) и упорно работают над принятием рационального электорального решения. Очевидно, что интерес к выборам и активность в поиске информации о них значительно отличается у разных избирателей. Некоторые граждане никогда специально не занимаются поиском информации о кандидатах, а голосуют на основании той информации, которую пассивно получили во время кампании. Тем не менее, сообщения, получаемые в ходе предвыборной кампании, способны информировать и убеждать избирателей, следовательно, заслуживают внимания ученых.

4. Восхваление, нападение и защита – методы создания предпочтительного образа кандидата.

Конечно, кандидатам не достаточно просто отличаться от своих оппонентов; необходимо отличаться и быть привлекательными для избирателей. С. Л. Попкин объясняет это таким образом: "Если кандидат обращает взгляды и интересы противников в свои преимущества, ему удастся завоевать большинство голосов граждан, относящихся к разным политическим лагерям". Например, высказывание вроде: "Я – единственный кандидат, предлагающий упразднить нашу систему обороны", безусловно, выделит кандидата из ряда конкурентов, однако вряд ли поможет завоевать много голосов. Таким образом, кандидат должен отличаться от оппонентов в положительную сторону и заставить избирателя сделать желаемый выбор.

Исходя из того, что кандидат должен казаться предпочтительным для большинства своих избирателей, вытекают три потенциальные функции сообщений избирательной кампании. Во-первых, сообщения кандидата должны восхвалять его или, другими словами, повествовать избирателям о его положительных сторонах. Акцентирование желаемых качеств или взглядов кандидата способно представить его в лучшем свете на фоне оппонентов, в частности для тех избирателей, которые высоко ценят данные качества и взгляды. Итак, один из способов повысить впечатление того, что один кандидат предпочтительнее остальных, – это создавать сообщения, восхваляющие, или подчеркивающие его или ее желаемые качества. Конечно, кандидаты зачастую восхваляют одни и те же цели: создание рабочих мест, снижение роста инфляции, защиту государственных интересов. Восхваление может представить кандидата в положительном свете, однако может спровоцировать и противоположный эффект.

Вторая функция сообщений, создаваемых в ходе избирательной кампании, – это нападение или критика оппонента. Определение слабых сторон, недостатков оппонента способно сделать его менее привлекательным для избирателей (опять же тех избирателей, которые положительно относятся к тактике нападения). Это означает, что нападение способно повысить сетевую предпочтительность нападающего кандидата путем понижения привлекательности оппонентов: чем хуже выглядят мои соперники, тем лучше кажусь я на их фоне (не забывайте, что на выборах решение принимается на основании сравнения).

Имеется ряд свидетельств, доказывающих, что избиратели скорее склонны положительно воспринимать нападки на предлагаемый кандидатом политический курс, чем на личности, поэтому некоторые нападения могут вызвать результат обратный желаемому. Результаты другого исследования показывают, что положительная политическая реклама имеет такую же силу воздействия на избирателей, как и отрицательная. Очевидно, что нападение является одним из способов проведения предвыборной кампании, способным убедить избирателей в предпочтительности кандидата. Тем не менее, данное исследование не подтверждает положение о большей эффективности отрицательной агитации по сравнению с положительной.

Многие избиратели говорят, что им не нравится, когда кандидаты поливают друг друга грязью. Но это не означает, что метод нападения неэффективен: у избирателей может сформироваться предубеждение по отношению к объекту нападения, даже если им не нравятся грязные политтехнологии. И тот факт, что большинству избирателей не

нравится поливание кандидатов грязью, является слабой стороной метода нападения, чего нельзя сказать о методе восхваления. Используя нападение, можно получить результат, обратный желаемому, при котором избиратели предпочтут нападающему объект нападения. Эта вероятность может привести к тому, что кандидаты будут чаще использовать восхваление, чем нападение. Исследование политических телепередач в преддверии президентских выборов (Venoit, 1999) показало, что метод нападения чаще использовали кандидаты с наименьшими шансами на победу. Итак, кандидат может прибегнуть к нападению в том случае, когда начинает отчаиваться, когда ничто кроме этого не помогает обогнать противников.

Третья возможная функция сообщений в рамках предвыборной кампании – это защита или утверждения, отрицающие нападения. Своевременная и подходящая защита потенциально способна предотвратить дальнейшее поражение от нападков оппонентов и способно вернуть шансы кандидата, частично утраченные в результате нападений. Тем не менее, необходимо знать, что защита имеет ряд возможных недостатков: (1) ответ кандидата на нападение может поставить его в оборонительную позицию на продолжительное время, а кандидату более выгодно предстать перед избирателем нападающим, а не защищающимся; (2) объектом нападков чаще всего являются слабые позиции кандидата, в связи с чем ответная реакция способна обнаружить его некомпетентность. Общая рекомендация кандидатам – как можно больше времени уделять тем темам, в которых они сильны; (3) кандидат должен уметь сначала определить тему, в рамках которой его критикуют, и лишь

затем выступать с опровержениями. Упоминание о нападении напомнит или сообщит избирателям о подозрительной слабости кандидата.

Необходимо упомянуть, что политики и их консультанты в общем представляют себе обозначенные выше функции сообщений избирательной кампании. Например, в 1972 г., когда президент Р. Никсон переизбирался на второй срок, один из его помощников Х. Р. Холдман посоветовал следующее: "Гораздо сложнее будет заставить проголосовать за вас эти 20 процентов неопределившихся избирателей, если вы будете акцентировать свои положительные стороны. Проще до смерти напугать их МакГоверном и заставить проголосовать против него". Итак, Х. Р. Холдман понимал, что Р. Никсон потенциально мог получить голоса, восхваляя себя или нападая на своего оппонента. Другой советник, В. Бреглио, работавший с Рональдом Рейганом во время успешной кампании 1980 г., объяснил следующее: "Сейчас в ходе избирательных компаний недостаточно приводить доводы, по которым люди должны голосовать за вас. Следует также представить причины, по которым им не следует голосовать за оппонента". Очевидно, что кандидаты, используя функции восхваления, нападения и защиты в своих сообщениях, способны формировать предпочтения избирателей.

Это означает, дискурс кампании по выборам можно исследовать с точки зрения высказываний, имеющих своей целью восхваление кандидата, нападение на оппонента (оппонентов) и защиту кандидата от нападения оппонентов. И хотя данные функции сообщений неодинаково частотны, все они присутствуют в сообщениях избиратель-

ной кампании, и кандидаты используют их для повышения своей политической привлекательности.

5. Дискурс выборов разворачивается вокруг двух тем: политики и личности кандидатов. В своих попытках выделиться политики эксплуатируют две основные темы: собственную личность (также часто используется термин "имидж") и/или свои политические установки (способы решения политических "проблем"). Одни кандидаты пытаются представить себя компетентными и сильными лидерами. Другие стараются создать впечатление честных и сострадательных людей. Кандидаты также обсуждают свои предложения на будущее или бывшие достижения в политике по вопросам образования, рабочих мест, национальной обороны, преступности. В дебатах президентской кампании на Украине 2004 г. кандидаты Янукович и Ющенко обсуждали такие политические проблемы, как экономика, заработная плата, цены и пенсии. Политика и личность – две основные темы, в рамках которых кандидаты могут попытаться выделиться из ряда оппонентов.

Некоторые ученые доказывают, что аспект политики гораздо более важен, чем аспект личности. Т. Е. Пэттерсон и Р. Д. МакКлор пишут, что "из всей информации, получаемой избирателями из СМИ в ходе кампании по выборам президента, знание о политических установках кандидатов является наиболее значимым". Подобной точки зрения придерживается и С. Р. Хофстеттер, отмечая, что "политические позиции кандидата являются ключевыми элементами, формирующими предпочтения если не всех, то большинства избирателей". Опросы общественного мнения, проведенные в период с 1976 по 2000 г. показы-

вают, что подавляющее большинство американских избирателей основываются в своих предпочтениях на политических установках кандидата, а не на оценке его личных качеств. Более того, мы выявили, что победившие на президентских выборах кандидаты в своих предвыборных сообщениях больше обсуждали свои политические предложения, нежели акцентировали внимание избирателей на личных качествах. Однако это не означает, что личность кандидата не имеет значения; значительная часть избирателей искренне верит в важность личности кандидата и считает ее наиболее важным фактором принятия электорального решения на президентских выборах. Тем не менее, достоверные факты свидетельствуют о доминировании политических установок кандидата над его личными качествами в ситуации президентских выборов в Америке. И, конечно, если бы избиратели в США или любой другой стране уделяли большее внимание личным качествам кандидата, а не его политическим взглядам, ситуация, возможно, изменилась бы, и политики чаще акцентировали бы аспект личности.

б. Кандидат должен получить большинство голосов избирателей, участвующих в выборах. Несмотря на то, что данное утверждение представляется очевидным, в нем скрывается нечто большее, имеющее значение для политических выборов вообще и президентских выборов в частности. Во-первых, необходимо отчетливо представлять себе, что кандидату нет необходимости убеждать всех и каждого в том, что он предпочтительнее своих оппонентов. Не представляется возможным или необходимым завоевать поддержку каждого гражданина. Позиция политика,

например по вопросу аборт, в одно и то же время поможет ему получить поддержку одних избирателей и вызовет неприязнь у других. Поэтому поддержка избирателей по многим вопросам дихотомична. Так, например, в 2000 г. губернатор Дж. Буш хотел разрешить некоторым гражданам самостоятельно инвестировать часть отчислений, выплачиваемых в фонд социального страхования, в то время как вице-президент А. Гор был против этого. Этот вопрос разделил избирателей на два лагеря, поэтому кандидаты в президенты не могли надеяться на поддержку абсолютно всех избирателей. Данный пример иллюстрирует положение о том, что кандидату для победы на выборах нет необходимости добиваться поддержки всех избирателей.

Во-вторых, необходимо ясно осознавать, что значимыми на выборах являются голоса тех избирателей, которые приходят на выборы и голосуют. Поэтому кандидату не требуется поддержка большинства граждан; ему необходима поддержка большинства реально голосующих граждан. Не следует пытаться быть привлекательным для тех, кто не имеет права голосовать, или для тех, кто осознанно не ходит на выборы (хотя, конечно, нельзя быть полностью уверенным в том, кто будет участвовать в голосовании). По этой причине результаты опросов общественного мнения всего лишь свидетельствуют о предпочтениях потенциальных избирателей.

В-третьих, президентские выборы в Америке являются особенными, так как для победы на них кандидату достаточно убедить 270 выборщиков. Проблема несовершенства института Коллегии выборщиков активно обсуждалась в ходе президентских выборов 2000 г. в Америке. Несмотря

на то, что Альберт Гор опередил Джорджа Буша на 500 000 голосов избирателей, Буш выиграл выборы, получив большинство голосов Коллегии выборщиков. Значимость Коллегии выборщиков и правило, что победителей не судят, в последнее время заставляет кандидатов в президенты бороться за искомую должность все более энергично и настойчиво (например, вкладывать больше средств в политическую рекламу; планировать больше выступлений и агитационных поездок). Естественно, совершенно другая ситуация складывается в государствах с парламентской формой правления, при которой граждане голосуют не за конкретных кандидатов, а за партии.

Итак, кандидаты в президенты распространяют предвыборные сообщения различными средствами (через выступления, телевизионные передачи, дебаты, почтовые рассылки, обращения по радио, через интернет) в надежде на то, что их информацию получают те, кто уделяет внимание этому средству информации. Восхваление или предоставление информации о достоинствах кандидата (предпочтительных взглядах или качествах) направлено на повышение привлекательности данного кандидата. Нападение или предоставление информации о недостатках оппонентов (политических или личных) понижает их привлекательность для электората. Защита или отражение нападения имеет своей целью восстановление кандидатом своей привлекательности для избирателя.

Три перечисленные функции могут рассматриваться как особая форма экономического анализа: если восхваление убедительно, оно способно повысить результативность кандидата; атаки увеличивают расходы оппонента; а защи-

та снижает уровень предполагаемых затрат. Считаю необходимым прояснить, что избиратели, конечно, не измеряют эффективность приемов восхваления и нападения в числовом формате, как это принято в традиционном анализе. Полагаю, что три обозначенные функции формируют общую оценку кандидатов. Восхваление, будучи убедительным, должно повысить общий политический вес кандидата. Воспринятые публикой нападения на оппонента должны увеличить затраты объекта нападения. Эффективная защита должна снизить предполагаемые затраты защищающегося кандидата. Совокупный эффект множества сообщений, воспринятых избирателем из разных источников и реализующих три обозначенные функции, под влиянием личных мнений и ценностей избирателей, должны в конечном счете определить их электоральное решение.

Все сказанное выше объясняет, почему основные идеи кандидата должны постоянно повторяться в ходе избирательной кампании. Благодаря повторению кандидаты усиливают силу воздействия сообщений на внимательно следящих за выборами избирателей. С другой стороны, кандидаты распространяют относительно схожие сообщения в надежде на то, что та часть избирателей, которая уделяет мало внимания выборам, рано или поздно поймет ключевые идеи кандидатов.

ПРЕИМУЩЕСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА. Функциональный подход к изучению коммуникации в ходе избирательных кампаний имеет ряд важных преимуществ перед другими подходами. Положения данного подхода, как мы далее увидим, позволяют предвидеть природу сообщений кампании. Политические телевизионные пере-

дачи представляют собой наиболее интенсивно изучаемую форму сообщений в ходе кампаний по выборам президента. Таким образом, начну с объяснения преимуществ функционального подхода перед другими подходами на примере политической рекламы. По моему мнению и мнению большинства ученых, политическая телереклама выполняет две функции: функцию восхваления (позитивная) и функцию нападения (негативная). Тем не менее, функциональный подход выделяет еще и третью функцию, функцию защиты, которая не принимается во внимание другими исследованиями. Например, одна из телевизионных программ в поддержку вице-президента Ричарда Никсона в избирательной кампании 1960 г. началась с пояснения, что данная реклама является чистым примером защиты, ответом на атаку его оппонента: "Президент Эйзенхауэр отвечает на обвинения Кеннеди и Джонсона в том, что за последние восемь лет Америка ничего не достигла". В приведенном примере есть атака на Р. Никсона и констатация того, что президент Эйзенхауэр будет на нее отвечать. Далее был показан видеоролик, где президент Эйзенхауэр отметил: "Друзья мои, никогда еще Америка не достигала так много за такое короткое время", полностью опровергая, таким образом, указанное обвинение. В действительности, это сообщение нельзя понять через отнесение его к положительной или отрицательной рекламе, абсолютно ясно, что в нем есть что-то еще. Оно указывает на атаку оппонента и открыто ее отрицает. Таким образом, вычленив функцию защиты, наряду с функциями восхваления и нападения, функциональный подход дает более глубокое понимание сообщения избирательных кампаний.

В отличие от большинства других исследований, в силу того, что многие телепрограммы содержат множество высказываний, мы не подразделяем рекламные ролики на полностью положительные (относящиеся к восхвалению) или отрицательные (относящиеся к нападению). Некоторые примеры политической рекламы целиком отрицательны или целиком положительны, но многие являются смешанными по характеру, и эта пропорция не всегда составляет 50/50. В качестве иллюстрации полностью отрицательной рекламы приведем следующую выдержку периода кампании по переизбранию Била Клинтона в 1996 г.: Ценности Америки. Президент запрещает использование смертоносного штурмового оружия, Доул и Гингрич голосуют против. Президент проводит законопроект о разводах, Доул и Гингрич голосуют против. Президент настаивает: сбалансированный бюджет, поддержка системы медицинского страхования и детей-инвалидов; опять – нет. Сейчас Доул подает в отставку, выходит из тупиковой ситуации, которую создали они с Грингричем. Планы президента: сбалансированный бюджет, защита системы медицинского страхования, реформа социального обеспечения. Выполним наш долг перед нашими родителями и детьми. Ценности Америки.

Курсивом выделены высказывания, относящиеся к нападению; примеры восхваления оставлены без выделения. В действительности даже, несмотря на то что это сообщение представлено как пример отрицательной рекламы, для выражения положительных идей использовано в два раза больше слов, чем для выражения отрицательных (44 к 19). Таким образом, анализируя и классифицируя

каждое высказывание на основании трех предложенных функций, мы можем более точно определить соотношение компонентов (положительных, отрицательных или связанных с защитой) в данном примере политической рекламы. А это значит, что метод, определяющий данные высказывания как положительные или отрицательные, дает весьма неточное представление об их содержании.

Необходимо отметить, что некоторые ученые при классификации телевизионных программ также используют три параметра: положительный, отрицательный, относительный (объявления, которые одновременно являются положительными и отрицательными). Известно, что не в каждой политической рекламе восхваление и нападение представлены в одинаковой степени (в некоторых из них, например, может быть 25% или 10% восхваления и 75% или 90% нападения). Использование трех параметров при анализе дает более точные данные, чем использование только двух параметров, но мой подход, рассматривающий каждую реплику (тему) как восхваление, нападение или защиту, все же предпочтительнее.

Подобная проблема возникает и при анализе тематики политической рекламы. Несмотря на то что некоторые рекламные ролики посвящены только 'политике' (политическим взглядам) или только 'личности' (имиджу), большая часть политической телерекламы представляет собой смесь этих двух тем. В ряде предыдущих исследований была представлена классификация рекламных роликов по критерию "доминирующей темы". Другие считали количество роликов, в которых упоминалась определенная тема. Отнесение каждой темы или высказывания либо к 'полити-

ке', либо к 'личности' представляет более точную оценку содержания сообщений по сравнению с другими подходами.

Многие исследования останавливаются на классификации рекламного ролика как относящегося к 'политике' или 'личности'. Наш анализ идет дальше и, в отличие от большинства современных исследований, рассматривает 'политику' и 'личность' с точки зрения их составляющих ('политику' я разделяю на поступки, планы и общие цели; 'личность' – на личные качества, лидерские качества и идеалы). Например, анализ президентской кампании 1996 г. показал, что рекламные ролики Билла Клинтона были подготовлены более тщательно, чем ролики Боба Доула: Б. Клинтон представлял и свои поступки (достижения), и свои планы (особый вид обещаний в ходе кампании), при этом "нападая" на поступки ("промахи") Боба Доула и его планы (особый вид обещаний в ходе кампании). Боб Доул, напротив, представлял свои планы (но редко говорил о собственных поступках) и "нападал" на поступки Билла Клинтона (но редко критиковал его планы). Таким образом, анализ, в котором рассмотрение поступков и планов не дифференцируется, не позволяет определить разницу в расстановке приоритетов (в некоторых подходах, как, например, в "теории излюбленной темы" (см.: Petrosik, Benoit, Hansen, 2003/2004 гг.), рассматриваются отдельные темы, такие как преступность, образование, рабочие места или национальная безопасность).

Предыдущие исследования в рамках функционального подхода обнаружили, что в ходе предварительных выборов у политической рекламы может существовать целый ряд объектов нападения. Так, в ходе предварительных выборов

2004 г. рекламные ролики были направлены на снижение привлекательности президента Дж. Буша (и республиканской партии), кандидатов от демократической партии и правящих кругов. Необходимо отчетливо представлять себе, кто является объектом нападения Говарда Дина – Джо Либерман, Джон Кэрри, Дик Гепхард (все демократы) или республиканец Джордж У. Буш. В других подходах к исследованию президентской телерекламы не учитывается объект нападения.

Более того, функциональный подход сочетает в себе анализ функции (восхваление, нападение, защита) и темы ('политика', 'личность'). Некоторые исследования политических телепрограмм обращаются только к теме или только к функции, но никогда не рассматривают их одновременно. Кроме этого, исследование таких форм, как дебаты или устные выступления кандидатов, не затрагивает тему сообщений в ходе избирательных кампаний. Таким образом, функциональный подход к исследованию политических избирательных кампаний дает более полное представление о сообщениях в ходе избирательной кампании, чем другие подходы.

И, наконец, функциональный подход применялся для исследования таких видов сообщений в ходе избирательной кампании, как политические телепрограммы, дебаты, выступления по радио, интернет сайты, программы новостей, речи на съездах партий по выдвижению кандидатур на пост президента (речи принятия, директивы на избирательную кампанию). Мы также начали применять функциональный подход для исследования избирательных кампаний не только в США, но и в других странах. Большинство

исследований избирательных кампаний строится на анализе сообщений телевизионных программ и дебатов в ходе всеобщих выборов. Но исследование с позиций функционального подхода позволяет проникнуть в сущность различных выступлений в рамках избирательной кампании. Удивительно, что исследовательские подходы, предложенные для анализа сообщений телепрограмм (позитивные, негативные; 'политика', 'личность'), редко использовались для изучения, например, дебатов или речей в ходе внутрипартийных выборов. Наше исследование систематично, оно применяет одну и ту же методику для анализа различных сообщений, позволяя таким образом делать сравнения, не ограничиваясь рамками одного СМИ.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ФАКТЫ. Относительно постоянная частотность трех функций. Как было сказано ранее, согласно функциональному подходу у тактики восхваления нет недостатков, у тактики нападения – один недостаток, у тактики защиты – три. Таким образом, можно предположить следующее:

1. Кандидаты будут использовать тактику восхваления чаще, чем тактику нападения, а тактику нападения чаще, чем тактику защиты. Исследование различных форм сообщений в рамках ряда президентских избирательных кампаний в США подкрепляет это предположение. 68% всех высказываний – восхваления, 30% – нападения, 3% – защита. Тактика восхваления по частотности варьируется от 49% до 85%, нападения – от 15% до 51%, защиты – от 0% до 8% от общего числа высказываний. Частотность этих трех функций значительно отличается друг от друга, а соотношение по частотности соответствует нашему предпо-

ложению во всех видах выступлений, кроме одного (политическая реклама по радио, где нет значительной разницы по частотности между восхвалениями и нападениями). Это возможно в силу того, что аудитория радиослушателей более однородна по составу, чем аудитория других СМИ, что позволяет кандидатам демонстрировать свое нападение тем, кто к нему наиболее восприимчив.

Это соотношение остается верным и для предвыборных телевизионных роликов кандидатов на другие должности (местное управление, пост губернатора, в Палату представителей США и в Сенат США). 69% высказываний относятся к восхвалению (вариации по частотности 61%–72%), 31% – к нападению (27%–38%) и менее чем 1% высказываний относятся к защите (0,5%–2%). Данные статистики по непрезидентским дебатам в США выявляют следующее соотношение трех функций: 65% – восхваление, 29% – нападение и 5% – защита. Исследование телевизионных программ и дебатов в других странах (большинство проведено не в рамках функционального похода и, таким образом, не включает функцию защиты) также обнаруживает это же базовое соотношение: 75% – восхваление и 25% – нападение. И в заключение исследование политических дебатов в других странах подтверждает то же самое базовое соотношение: восхваление – 54%, нападение – 48%, защита составила 8% от общего количества высказываний. Иногда встречаются исключения (в ходе выборов 2004 г. на Украине нападение было более частотным, чем восхваление), однако данное соотношение устойчиво сохраняется на протяжении ряда лет, вне зависимости от уровня искомой должности, формы сообщения и страны. Таким обра-

зом, данные подтверждают, что описанное выше частотное соотношение трех основных функций предвыборных сообщений является их атрибутивным свойством.

Функциональный подход позволяет также сделать предположение о сравнительной частотности обсуждения двух тем предвыборного дискурса: 'политики' и 'личности'. Большинство избирателей в США считают, что при голосовании 'политика' является более важным фактором, чем 'личность'. Исследования У. Бенуа показывают, что те кандидаты на пост президента США, которые в ходе своей кампании уделяют 'политике' больше внимания, чем 'личности', имеют более высокие шансы на победу, нежели их оппоненты. Учитывая, что кандидаты отслеживают мнение избирателей, а большинство избирателей в США считают, что в президентской кампании 'политика' важнее 'личности', в рамках функционального подхода сделано предположение о том, что:

2. Кандидаты на пост президента будут больше говорить о 'политике', чем о 'личности'. В каждой описанной форме сообщений в ходе избирательных кампаний на пост президента США, 'политика' (54%–78%) обсуждается чаще, чем 'личность' (22%–46%); среднее соотношение – 67% к 33%. То же самое обнаруживается и при анализе телевизионных программ в ходе избирательных кампаний в США на другие должности ('политика' – 57%, 'личность' – 43%). В непрезидентских дебатах в США, 'политика' также более частотна, чем 'личность': 72%–28%. В целом, в ходе избирательных кампаний за пределами США 'политике' уделяется большее внимание – 59% к 41%. В двух странах соотношение примерно равное (Израиль 1992, Корея 2002); в

трех странах 'личность' более частотна, чем 'политика' (Греция 1996, Тайвань 2000, Турция 1995). И, наконец, в политических дебатах за пределами США 'политике' уделялось больше внимания, чем 'личности' (78% к 22%). Подобные исключения возможны в силу двух причин: избиратели в других странах считают 'личность' более важной по сравнению с 'политикой', а кандидаты строят свои выступления в соответствии с представлениями избирателей, либо кандидаты неправильно интерпретировали предпочтения избирателей. Какими бы не были причины, необходимо помнить, что соотношение 'политики' и 'личности' за пределами США не так устойчиво.

Показав, что основные идеи функционального подхода могут быть применены не только для анализа сообщений президентских выборов в США (но и для избирательных кампаний разного уровня в США, и для избирательных кампаний в других странах), в целях экономии места я хочу кратко осветить другие темы в оставшейся части статьи. Коммуникацию можно представить как процесс со своим источником, контекстом и средствами. Функциональный подход изучил каждую из этих переменных в контексте избирательных кампаний, и я кратко представлю результаты проделанной работы.

Источник сообщений в ходе избирательных кампаний. В американской политике доминируют две партии, Демократическая партия и Республиканская партия, и, несмотря на то что кандидаты, конечно, принимают во внимание и предпочтения избирателей и происходящие исторические события, партии имеют отчетливые различия. Было обнаружено, что это также влияет на сообщения в ходе избира-

тельной кампании на пост президента. Хотя практически все кандидаты говорят о 'политике' больше, чем о 'личности', демократы обсуждают 'политику' чаще, а 'личность' – реже, чем республиканцы. Для демократов характерно оправдывать правительственные решения проблемами, это означает, что для них естественно уделять больше внимания 'политике'. Республиканцы выступают за сокращение правительства, и, действительно, в предвыборном дискурсе говорят о 'политике' меньше. То есть необходимо исследование природы дискурса политических партий в других странах с точки зрения функционального подхода.

Другим аспектом источника является то, что говорит сам кандидат или кто-то другой (анонимный ведущий, 'простой гражданин', общественная фигура, поддерживающая кандидата). На съездах партий по выдвижению кандидатов на пост президента тактика нападения реализуется в речах-директивах, представляемых не кандидатами чаще, чем в речи самих кандидатов. Нами замечено, что в предвыборных телевизионных программах президентской кампании, в случае, если говорит кто-либо, но не сам кандидат, нападение более частотно. Сообщения, спонсируемые политическими партиями, чаще реализуют тактику нападения, чем сообщения, спонсируемые самими кандидатами. Отметим, что сами кандидаты стремятся реже, по сравнению с другими источниками, использовать тактику нападения в своих сообщениях в ходе избирательной кампании. Можно предположить, что если чрезмерно использовать нападение (вспомним, что многим избирателям не нравится поливание грязью), то это повредит самому нападающему. Тем не менее, это исследование выделило два

основных способа влияния источника на сообщения кандидатов.

Продолжая исследование в рамках функционального подхода, мы начали сопоставлять сообщения самих кандидатов и сообщения других людей, например, журналистов. Специальное исследование показывает, что освещение президентских дебатов в новостях носит более негативный характер, чем реальное положение дел. И, конечно же, новости одержимы повышенным вниманием к самой гонке (кто лидирует, стратегия кампании, события в ходе кампании).

Контекст избирательной кампании. В рамках функционального подхода нами были рассмотрены две контекстуальные переменные в избирательном дискурсе. В США кандидаты на пост президента должны сначала победить в ходе внутрипартийных выборов до того, как у них появится реальный шанс на финальную победу. Эта часть выборного процесса называется предварительные выборы. В отличие от всеобщих президентских выборов, в предварительных выборах тактика нападения используется реже, а тактика восхваления, напротив, чаще. Телевизионные программы в период предварительных выборов содержат больше примеров восхваления и меньше нападения, чем телепрограммы во время всеобщих выборов (это же характерно и для дебатов и брошюр прямой адресной рассылки). Это возможно в силу двух причин. Во-первых, можно ожидать, что между членами одной политической партии, соревнующимися в предварительных выборах, больше согласия, чем среди членов разных политических партий. Таким образом, кандидаты в ходе предварительных выборов обсуждают меньше различий в политических про-

граммах. Во-вторых, кандидат, победивший в предварительных выборах, нуждается в поддержке других кандидатов своей партии и избирателей, которые предпочли других кандидатов. Именно это побудило Дж. Кэрри реже использовать тактику нападения против Дениса Кукинича, Джо Либермана и других кандидатов от Демократической партии. Таким образом, этап избирательной кампании влияет на частотность актуализации тактики нападения.

Нами замечено, что в ходе предварительных выборов 'политике' уделяется больше внимания, чем 'личности', по сравнению со всеобщими выборами (необходимо помнить, что большинство кандидатов даже в ходе предварительных выборов уделяют больше внимания 'политике'; здесь имеется в виду, что в ходе всеобщих выборов 'политике' уделяется еще больше внимания). Еще раз повторим, что у кандидатов от одной партии, которые соревнуются в ходе предварительных выборов, меньше различий в политических программах. Более того, кандидаты, участвующие во всеобщих выборах (например, президент Дж. Буш и сенатор Дж. Кэрри в 2004 г.; вице-президент А. Гор и губернатор Дж. Буш в 2000, президент Б. Клинтон и сенатор Б. Доул в 1996), более известны, чем кандидаты предварительных кампаний (например, Денис Кукинич, Кэрол Мосли-Браун или Эл Шарптон в 2004). Это значит, что у кандидатов есть основания проводить больше времени, представляя себя избирателям (уделяя больше внимания 'личности' в ходе внутривыборных выборов). Таким образом, этап избирательной кампании влияет на тему предвыборного дискурса.

Вторая контекстуальная переменная – это срок пребывания в должности. Во многих странах президенту, канц-

леру или премьер-министру позволено избираться на второй срок. Президент США может переизбираться один раз. Тем не менее, вице-президент обычно претендует на пост президента, после того, как президент отслужил два срока, и вице-президент обычно баллотируется как кандидат с опытом в президентстве (примечательно, что вице-президент Дик Чейни сказал, что он не будет баллотироваться на пост президента в 2008 году, когда закончится второй срок президента Джорджа Буша). Подобные кандидаты, в отличие от своих соперников, уделяют больше внимания восхвалению и меньше – нападению. Ключевое отличие между этими двумя группами кандидатов заключается в том, что, несмотря на то что и те, и другие обычно имеют опыт пребывания в выборной должности, только один кандидат имеет опыт пребывания в той должности, которой добивается. Например, в отличие от сенаторов, президенты имеют опыт административной работы. В отличие от губернаторов, президенты имеют опыт ведения внешнеполитической деятельности и поддержания национальной обороноспособности. Поступки таких кандидатов осуждаются больше, чем поступки других претендентов, но внимание, конечно же, уделяется различным аспектам. Подобные кандидаты презентуют свои прошлые поступки (успехи) чаще, чем дискредитируют своих соперников (отмечая их неудачи), и наоборот. Таким образом, установлено, что вопрос о том, имеет ли кандидат опыт пребывания в должности, на которую в данный момент баллотируется, или нет, также влияет на природу предвыборного дискурса.

Средства и источники информации. Необходимо также кратко осветить потенциал средств и источников инфор-

мации. В США тактика защиты используется в президентских дебатах чаще, чем в любом другом источнике информации для избирателей. Это, должно быть, происходит по нескольким причинам. Функциональный подход предполагает, что дебаты обладают тремя потенциальными недостатками, и кандидаты сравнительно редко прибегают к защите. Хотя один недостаток не имеет отношения к дебатам: все те, кто смотрят дебаты, отмечали случаи нападения и последующей защиты. А это значит, что в отличие от прочих средств агитации кандидат, использующий защиту во время предвыборных дебатов, не беспокоится по поводу того, что он или она напечалит избирателям или сообщит им о своем недостатке: аудитория только что стала свидетелем нападения. И хотя кандидаты на пост президента заранее готовятся к дебатам, бывает сложно устоять перед соблазном ответить на нападение соперника. Другие формы сообщений, такие как телепрограммы, не предполагают наличие оппонента и его нападений, на которые необходимо отвечать. Эти сообщения тщательно написаны, и в них отсутствует защита. Но в пылу дебатов кандидаты могут не удержаться от того, чтобы не ответить на нападение, даже несмотря на то, что защита имеет ряд недостатков. Данные показывают, что сообщения, представленные разными средствами, различны.

Функциональная теория исследований дискурса избирательных кампаний была разработана и первоначально применена для изучения президентских выборов в США. Тем не менее, она использовалась для изучения избирательных кампаний на должности разного уровня как в США, так и за их пределами. Необходимо помнить, что

между избирательными кампаниями в разных странах существуют значительные различия. Как было отмечено выше, в Южной Корее не может быть кандидата, который имеет опыт пребывания в избираемой должности, так как на пост президента можно избираться только на один срок, и в стране нет поста вице-президента. Исследования политических дебатов в Израиле не обнаружили различий между кандидатами, имеющими опыт президентства, и кандидатами, не имеющими такого опыта. Хотя в 1984 г. разница при подсчете голосов была незначительная, и лидер каждой из партий в течение двух лет занимал пост премьер-министра в промежутки между выборами 1984 и 1988 гг. А это значит, что в 1988 г. их фактически можно было назвать кандидатами с опытом пребывания в должности.

Очевидно, что различные формы сообщений, включая выступления кандидатов, телепрограммы, дебаты, а в последние годы и веб-страницы, используются во всем мире в ходе выборов. Функциональный подход позволяет понять природу этих сообщений. Также очевидно, что необходимо продолжать работу над расширением этого подхода, чтобы лучше понимать сообщения, помогающие избирателям выбирать лидеров своих стран.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте основные черты функциональной теории У. Бенуа.
2. К какой группе методов, представленных в Разделе 2 настоящего пособия, можно отнести методы, задействованные в исследовании У. Бенуа?

3.2. Исследования дискурса антисемитизма

В политической лингвистике важное место занимают изыскания в области дискурсов, направленных на возбуждение ненависти к определенным этническим и социальным группам. Среди них выделяются работы А. Мусолффа, посвятившего свои изыскания изучению дискурса антисемитизма. Андреас Мусолфф — профессор Даремского университета (Великобритания). Автор ряда монографий, посвященных анализу политического дискурса Германии и Великобритании: «Krieg gegen die Öffentlichkeit. Terrorismus und politischer Sprachgebrauch» (Opladen, 1996), «Mirror Images of Europe. The imagery used in the public debate about European Politics in Britain and Germany» (Munich, 2000), «Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe» (Basingstoke, 2004). Представленная ниже работа «Политическая "терапия" посредством геноцида: антисемитские концептуальные лозунги в книге гитлера "Майн кампф"» является частью исследовательского проекта по изучению нацистского политического дискурса и специально подготовлена автором для русских читателей по просьбе профессора Э. А. Будаева. Работа была опубликована в книге Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2006).

Эта работа, приводимая здесь в учебных целях с сокращениями, хорошо демонстрирует, как политическая коммуникация (в особенности политические метафоры) используется в идеологической борьбе для формирования образа врага.

Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные лозунги в книге Гитлера «Майн кампф»

1. Введение

Сейчас, когда "опровержение холокоста" снова стало предметом политических споров, особенно в форме заявлений о том, что Гитлер ничего о нём не знал, т. к., по мнению таких ревизионистских историков, как Дэвид Ирвинг, не существует никаких письменных документов автора, обращение к его образам может показаться странным.

Конечно, метафоры Гитлера известны своей жестокостью и исключительным расизмом – но в какое сравнение они идут с его реальными акциями геноцида? Кроме того, более 40 лет назад Алан Буллок утверждал, что метафоры эти были не новы, а лишь являлись "отражением антисемитских изданий и памфлетов, которые он читал в Вене до 1914 года". Однако если они были такими избитыми и клишированными, почему так много людей подверглось убеждению? Этот вопрос мы и будем исследовать, взяв за основу предположение, разработанное в когнитивной семантике о том, что метафора не является лишь фигурой для украшения речи, а, обладая способностью концептуализации, может создавать общественную "реальность".

Идеологическая функция и пропагандистский эффект образов, использовавшихся Гитлером и другими нацистами в соответствующих текстах, не раз подвергались анализу как усилиями историков и исследователей общественного дискурса. Детально изученные примеры сложились в следующие метафорические образы: "пробуждение" Германии под властью нацистов, предположительный "очи-

шающий" эффект "кровавой бани" войны и болезнетворный паразитический статус евреев, славян, цыган и других народов, не принадлежащих к арийской расе. Теоретической парадигмой таких исследований стало представление о метафоре исключительно как о фигуре речи, основанной на имплицитном переносе значения, что противоречит современным представлениям о метафоре как особой форме коммуникации.

Хотя главная цель такого подхода (критика демагогического использования образов) видится безупречной в моральном плане, мы можем задать вопрос о том, помогает ли традиционный подход выявлять наиболее существенные аспекты политической метафоры. Когнитивный подход к изучению метафоры, развивавшийся на протяжении трёх десятилетий, показал, что было бы ошибкой считать метафору признаком лишь для высокохудожественной речи, поскольку в действительности метафоры важны и частотны в любом дискурсе. Методы когнитивного анализа метафоры сосредотачивают внимание не столько на стилистической, сколько на концептуальной роли метафоры. Задача такого анализа – показать, как различные сферы знания и опыта ("domains") смешиваются и понятия одной сферы трактуются в понятиях другой. Метафорический перенос из сферы-источника ("source domain") в сферу-мишень ("target domain") формирует наше представление о мире с точки зрения того, как мы категоризируем собственный опыт в общественной практике. В метафорической аргументации концепты сферы-источника без труда дают возможность сделать предположительный вывод о концептах сферы-мишени. Они функционируют как часть

сценария, который обеспечивает внутреннюю логичность и обоснованность переноса значения. Настоящее исследование призвано свидетельствовать о том, что метафоры, использованные Гитлером для описания своего мировоззрения и в особенности своих антисемитских взглядов, были не просто украшением речи, а сформировали концептуальную систему, послужившую оправданием и образцом для каждого серьёзного последователя, и требующую претворения в жизнь путём осуществления программы холокоста.

2. Тело и Болезни как сфера-источник политической идеологии

Основой для политических взглядов Гитлера было представление о немецкой нации как о (человеческом) теле, которое нужно было оградить, а в случае заболевания вылечить от болезни. Все "евреи", которых Гитлер относил к одной суперкатегории, являлись главной причиной, а точнее, самой болезнью в форме "паразита". Избавление от этой "угрозы жизни нации" находилось в руках самого Гитлера и его партии как единственных компетентных "целителей". Модель "политическая структура – это человеческое тело" отнюдь не является изобретением ни Гитлера, ни нацистов, ни даже антисемитов или расистов. Она была и остаётся частью огромной системы метафор, известных как "великая цепь бытия". Эта центральная для западной философской традиции система метафор наиболее рельефно проявилась в "Истории идей" и достигла расцвета в политической философии в эпоху Ренессанса, когда их использовали такие выдающиеся мыслители, как Н. Макиавелли, Т. Мор, Ф. Бэкон и Т. Гоббс. Однако, как показывают современные когнитивные исследования, тра-

диция переноса значений из области тела, жизни и здоровья на область государства и общества продолжается по сегодняшний день и находит частое применение в политическом дискурсе.

Эти выводы не претендуют на то, чтобы считать все заимствованные из этого комплекса метафоры идентичными в когнитивном плане. Если бы Гитлер использовал в своих работах лишь образы эпохи Ренессанса, он бы выставил себя на посмешище, а не привлёк те огромные массы последователей, которые помогли ему прийти к власти и осуществить на практике план геноцида. Для того чтобы понять, что отличает "диагноз" национального кризиса Германии, поставленный Гитлером, от других концептуальных образов государства как "тела", нам нужно более детально рассмотреть соответствующие политико-метафорические словоупотребления. С этой целью был проведён анализ таких словоупотреблений на материале "Майн кампф". Базу данных составляют около 380 000 слов немецкого текста [Hitler 1933] и его перевода на английский язык, сделанного Р. Манхаймом в 1943 г. [Hitler 1992]. В анализируемом материале были обнаружены 207 (93 немецких и 114 английских) выражений из следующих концептуальных областей: (1) общие биологические категории, (2) части тела и его органы, (3) физиологические функции, (4) болезни и другие патологические явления, (5) возбудители болезней, (6) лечение и выздоровление. В ходе анализа мы сосредоточим внимание на ключевых высказываниях, отражающих главную линию в построении аналогии тело – государство в произведении "Майн кампф". Первую группу цитат можно обнаружить в рас-

суждениях Гитлера о факторах, по его утверждению вызвавших падение Германской империи в 1918 году:

(1) [Этот военный крах] был первым катастрофическим и очевидным для всех следствием нравственного и морального отравления [einer sittlichen und moralischen Vergiftung], ослабления инстинкта самосохранения, которые на протяжении многих лет подрывали стабильность Рейха.

(2) Этот яд [еврейской прессы] сумел беспрепятственно проникнуть в кровь нашего народа [Blutlauf unseres Volkes] и сделать своё дело, а государство не было сильно настолько, чтобы справиться с болезнью [Krankheit].

(3) Почти удачей для граждан Германии можно считать то, что период медленного развития болезни [schleichende Erkrankung] был внезапно прерван такой ужасной катастрофой [крахом 1918 года], так как иначе падение нации было бы более медленным, но, тем не менее, неизбежным. [...] Не случайно человек скорее справился с чумой, чем с туберкулёзом. [...] Это справедливо и по отношению к заболеваниям тела нации [Erkrankungen von Volkskörpern]. Если болезнь не проявляет форму катастрофы с самого начала, человек постепенно начинает к ней привыкать и, в конце концов, хоть на это и может потребоваться какое-то время, неизбежно погибает.

(4) [Еврейство] есть и будет типичным паразитом, который распространяется, подобно заразной бацилле [der typische Parasit, ein Schmarotzer, der wie ein schädlicher Bazillus sich immer ausbreitet], как только попадает в благоприятную среду. Да и само его существование подобно

существованию паразитов: где бы оно не появилось, народ-хозяин рано или поздно вымирает.

Из этих цитат можно выделить предварительное представление Гитлера на предмет перспективы состояния здоровья немецкой нации. Ведь ещё до Первой мировой войны тело нации страдало от болезни, что и привело к военному краху, и было следствием заражения "крови тела" евреями, в особенности их прессой. Гитлер также утверждает, что он является более авторитетным в постановке "диагноза" болезни Германии, чем довоенные политики, которые в лучшем случае могли идентифицировать какие-то общие симптомы, игнорируя при этом скрытую причину. Гитлер не даёт воображению читателя возможность подумать о том, кто в действительности способен сразиться с этой смертельной угрозой в борьбе за "жизнь" "тела нации". В одном из самых пресловутых заявлений он чётко указывает на себя и того, чьим командам он подчиняется:

(5) [...] сегодня я верю, что действую в соответствии с волей Всемогущего Создателя: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божье [Indem ich mich des Juden erwehre, kämpfe ich für das Werk des Herrn].

При первой же попытке проанализировать концептуальное поле вышеперечисленных примеров нам удалось выделить следующие модели:

(6.1) НЕМЕЦКАЯ НАЦИЯ – ЭТО ТЕЛО.

(6.2) ОСЛАБЕВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИНКТА САМОСОХРАНЕНИЯ – ЭТО ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ.

(6.3) ВОЕННЫЙ КРАХ 1918 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ – ЭТО СИМПТОМЫ БОЛЕЗНИ.

(6.4) ВЛИЯНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЫ – ЭТО ПРИЧИНА ЗАБОЛЕВАНИЯ (ОСОБЕННО ЗАРАЖЕНИЯ).

(6.5) "ЕВРЕИ" – ЭТО ВОЗБУДИТЕЛЬ ЗАРАЗЫ (т. е. МИКРОБ, ВИРУС, ПАРАЗИТ).

(6.6) "ЗАЩИТА" ПРОТИВ (= ПОЛНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ) "ЕВРЕЕВ" – ЭТО ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ БОЛЕЗНИ.

Все выше перечисленные модели определяют основные параллели сопоставлений, но едва ли передают их систематические значения. Такая группа понятий из сферы источника, как ТЕЛО – БОЛЕЗНЬ – ЛЕЧЕНИЕ, использованных в идеологии Гитлера, формирует сложный и неоднозначный сценарий, мини-историю, дополненную изложением мотивов и выводами о её исходе, а именно историю о ТЕЛЕ, СТРАДАЮЩЕМ ОТ БОЛЕЗНИ ВСЛЕДСТВИЕ ЗАРАЖЕНИЯ И ПОЭТОМУ НУЖДАЮЩЕМСЯ В ЛЕЧЕНИИ. Такой сценарий содержит "структуру событий" для соответствующего построения различного рода предположений о причинах и следствии, предполагаемых и прогнозируемых событиях. Именно перенос такого сценария целиком на "сферу-мишень" приводит читателя к ряду умозаключений, например, к ожиданию того, что ПОЯВИТСЯ ЦЕЛИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ИЗЛЕЧИТ БОЛЕЗНЬ НАЦИИ. Выражение основных политических идей Гитлера зависит от параллелей, обусловленных сценарием сферы-источника.

Единственным политически релевантным "фактом", на который мог сослаться Гитлер, стал кризис Германии после Первой мировой войны. Метафорическая интерпретация этого кризиса как "болезни" позволяет говорить о двух

логически обоснованных видах сценария с обязательным наличием эквивалентных событий в сфере-источнике:

(7) Сценарий-источник

А) ЗАРАЖЕНИЕ ЧУЖЕРОДНЫМ ТЕЛОМ (БАЦИЛЛОЙ, ВИРУСОМ, ПАРАЗИТОМ) – ЭТО ПРИЧИНА.

В) ТЯЖЁЛОЙ СМЕРТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ (ЗАРАЖЕНИЕ КРОВИ) ТЕЛА НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ, КОТОРУЮ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ.

С) ЛЕЧЕНИЕМ ЭТОЙ БОЛЕЗНИ, СОСТОЯЩЕМ В УНИЧТОЖЕНИИ ЕЁ ВОЗБУДИТЕЛЯ.

(8) Сценарий-цель I

А') ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЫ И ВЛИЯНИЕ ЕВРЕЕВ НА НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦЕЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ.

В') НАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ГЕРМАНИИ, КАК УЖЕ ПОКАЗАЛ ВОЕННЫЙ КРИЗИС 1918 ГОДА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ УПАДОК, КОТОРЫЙ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ ЛИШЬ.

С') ПУТЁМ УСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЕВРЕЕВ НА ГЕРМАНИЮ.

Для того чтобы прийти к таким антисемитским выводам, Гитлер тщательно подбирает слова в соответствии со сценарием-источником. Рассматривая причину заболевания, он пользуется термином "заражение". В итоге такое сопоставление вызывает мысль о том, что влияние "евреев" на немецкую нацию подобно влиянию исключительно опасного возбудителя заболевания. И это, в свою очередь, подталкивает к соответствующему выводу, а именно необходимости радикального избавления от заразы. Гитлер

вновь прибегает к уловкам, основанным на простом человеческом опыте: болезнь требует вмешательства квалифицированного врача. Таким образом, ему удаётся прийти к желаемому выводу о том, что он является единственным компетентным "целителем" "пациента" в лице Германии. Этот вывод влечёт за собой ряд дальнейших предположений: болезнь, в общем-то, излечима, и цель оправдывает средства, применяемые врачом, само лечение является вполне целесообразным и т. д. На уровне сферы-источника (медицинской практики) такие умозаключения казались относительно простыми, тогда как применимо к сферемии (обществу) они были, по меньшей мере, проблематичными и требовали серьёзного подкрепления в ходе обсуждения. Однако, являясь частями общего сценария-модели, такие предположения являются приукрашенными, но, тем не менее, принимаются как должное. Предположительный интерес человека к теме болезни и ожидание излечения ещё на уровне сферы-источника исключительно важны для идей Гитлера в силу своей яркой очевидности. И только если БОЛЕЗНЬ принимается в качестве подходящего сценария для описания политической системы Германии после Первой мировой войны, то и необходимость найти подходящее лечение, и сам врачеватель принимаются как само собой разумеющееся. Без всего этого модель НЕМЕЦКАЯ НАЦИЯ – ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО стала бы лишь упражнением в перераспределении категорий. Но она, напротив, выступает в качестве самостоятельного прогноза: нация становится пациентом, которому срочно требуется лечение; есть и целитель, и точный диагноз: правильность курса лечения не подлежит сомнению.

Такой сценарий можно применить при описании идеологии Гитлера как особой "избавительной", "истребляющей" и "устраняющей" формы антисемитизма, о чём свидетельствуют и недавние исследования (Browning 1992 a, b, 2004; Goldhagen 1996; Freilinder 1998; Bauer 2001). Все эти характеристики относятся к прогнозируемому исходу холокоста как "терапии", которую Гитлер планировал предпринять в отношении "тела немецкой нации". Определение антисемитизма Гитлера как истребляющего и устраняющего больше применимо к описанию конечного результата геноцида, тогда как понятие "избавительный" характерно для представления Гитлером самого себя и своих действий. Оно также организует концепты в систему, находящую своё продолжение в следующем разделе. Идея "избавления" относится не просто к национальному кризису, а к всемирной катастрофе, для преодоления которой и требуется предполагаемый спаситель.

3. Сады мироздания и замысел Творца

Попытку Гитлера дать божественное подкрепление своему сценарию "болезнь – лечение" можно обнаружить в 11 главе "Майн кампф" "Народ и раса" ("Volk und Rasse"). Если бы неподготовленный и неискушённый в вопросах истории читатель открыл книгу наугад и начал читать с этой главы, он бы мог подумать, что читает супер-упрощённую теорию о передаче наследственности в "царстве зверей", нежели политический трактат. Начало главы представлено звучащим очень по-детски предисловием к процессу размножения среди животных:

(9) На свете есть много истин, казалось бы, совершенно очевидных, но в силу их очевидности обычные люди их

не замечают или, во всяком случае, не понимают их значения. [...] все без исключения люди каждый день так или иначе общаются с природой; они воображают, что им понятно почти всё, а между тем за редким исключением люди совершенно слепо проходят мимо одного из важнейших явлений: строгого разделения на виды всего живущего на земле. [...] Синичка идёт к синичке, зяблик к зяблику, аист к аисту [...].

Даже самый неискушённый читатель будет удивлён заявлению Гитлера о том, что эти "истины" не известны "простым людям", которые "бродят по садам мироздания" – ведь, в конце концов, его наблюдения за жизнью синичек и зябликов далеко не оригинальны. Быстро расправившись с некоторыми заведомо ложными исключениями из вселенского закона, Гитлер возвращается к своей основной идее. Людям, принадлежащим к разным расам, как и животным разных видов, недопустимо скрещиваться между собой:

(10) Исторический опыт [...] с ужасающей ясностью доказывает, что каждое смешение крови арийцев с кровью более низко стоящих народов неизбежно приводило к тому, что арийцы теряли свою роль носителей культуры. [...] Таким образом, можно сказать, что результатом каждого скрещивания рас является:

- а) снижение уровня более высокой расы;
- б) физический и умственный регресс и, как следствие, медленный, но верный процесс вырождения.

Содействовать такому развитию не означает ничего иного, как грешить против воли всевышнего Творца [Sünde treiben wider den Willen des ewigen Schöpfers].

Помимо отвращения к такому сочетанию расизма и богохульства, любой более или менее разборчивый читатель стал бы противиться двум совершенно нелогичным выводам в этом месте: сопоставление "видов" и "рас" и отождествление эволюции культурной с эволюцией биологической. Даже такой историк, как Е. Еккель, пытавшийся со всей серьёзностью отнестись к мировоззрению Гитлера, находил совершенно гнусным смешивание биологии и культуры в гитлеровском понятии "человеческие расы": "Нет никакой нужды в комментировании нелепости таких доводов". Однако логическая или научная нелепость его теории рас не имеет ни малейшего отношения к её убедительности в плане предположений посредством метафор/аналогий. Объединяя, хоть и абсурдно с научной точки зрения, представление наций в виде тел в единый концепт человеческих рас, Гитлеру удалось усилить внутренние связи в основном сценарии и соотнести его с псевдорелигиозной теорией. Может показаться, что такая интерпретация недооценивает "натуралистическое", научное обращение к понятию "нация", что привело к множеству толкований нацистского антисемитизма как формы социального дарвинизма. Тем не менее, даже, если Гитлер считал своё видение "рас" совместимым с генетикой и евгеникой того времени, оно имело слишком мало общего с идеей эволюционного развития, чтобы его можно было поставить в один ряд с научным дарвинизмом.

В действительности Гитлер не имел понятия об эволюции в дарвиновском представлении, а именно что "виды изменились и всё еще изменяются, сохраняя и накапливая благоприятные признаки". Напротив, он имел целью прямо

противоположное такой теории, т. е. подчёркивание контраста между человеческими расами и представление их как можно более разобщёнными. С его точки зрения, расы – коллективные существа с постоянными характеристиками и предназначением, согласно замыслу Творца, фундаментально отличны друг от друга (как задумал Гитлер). Автор "Майн кампф" не оставил сомнения о том, что он думал по поводу родства "Человека" и животных:

(11) Народное государство [...] должно начать с того, что поднимет брак с уровня непрерывного осквернения расы и придаст ему должный статус, призванный являть людей в образе Господа [Ebenbilder des Herrn], а не помесь человека и обезьяны [Missgeburten zwischen Mensch und Affe].

В противовес научному дарвинизму, даже малейшая возможность посредничества, связи или скрещивания среди представителей разных рас являлась отвратительной в глазах Гитлера. Он считал результаты такого смешения уродством и нарушением замысла "всевышнего Творца". Этого нельзя было допустить, а если в результате какой-то жуткой случайности они всё-таки появлялись на свет, то долгом каждого, "кто радел за дело Божье" (см. выше примеры 5 и 10), было их уничтожение. Заявляя, что он лишь выполняет свой долг, Гитлер не подвергает сомнению то, что он осознал принципы, лежащие в основе всего мироздания. И в этой серьёзной ситуации национальная БОЛЕЗНЬ Германии – это лишь пробный случай перед вселенским кризисом мироздания. В этой грандиозной версии основного сценария БОЛЕЗНЬ/ЗДОРОВЬЕ все группы существ пытаются сохранить и улучшить здоровье, чтобы усилить и укрепить видовую ценность своей расы в иерар-

хии творения. И наоборот, "любое смешение высокой расы с более низкой" ведёт к деградации и ставит под вопрос работу Творца над созданием "человека более высокой породы". Гитлер даже допускал возможность полного провала этого важного замысла:

(12) Если еврейство при помощи своей марксистской веры одержит победу над другими нациями мира, то корона его станет погребальным венком всего человечества, и эта планета, как и тысячи лет назад, уйдёт в небытие, лишившись людей.

Учитывая такое апокалипсическое видение прошлого и будущего человечества, необходимо выделить третью группу в базовом сценарии болезни и лечения, где и концентрируются основные антисемитские концептуальные метафоры, использованные Гитлером в "Майн кампф". Эта группа может быть представлена в виде сценарных моделей второго порядка на уровне "сферы-мишени".

(13) Сценарий-мишень II

А") ДЬЯВОЛЬСКИЕ СИЛЫ СПОСОБСТВУЮТ НЕЕСТЕСТВЕННОМУ СМЕШЕНИЮ РАС И ПОТОМУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ.

В") УГРОЗУ ПЛАНУ ТВОРЦА ПО НЕПРЕРЫВНОМУ УЛУЧШЕНИИ РАС, И ПРЕДОТВРАТИТЬ ЭТО МОЖЕТ ЛИШЬ.

С") ВМЕШАТЕЛЬСТВО СПАСИТЕЛЯ, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЗАМЫСЛА.

По сравнению с моделями первого порядка, опирающихся на жизненный опыт человека, сценарий-мишень II является совершенной экстраполяцией даже в системе концептов Гитлера при сравнении национального кризиса

со всемирной драмой. Тем не менее, логичность его метафор при сопоставлении, даже в таком фантастическом сценарии, кажется правдоподобной. Здесь сохраняется само основание для переноса значения, заимствованное из сценария-цели I, а именно БОЛЕЗНЬ, за которой следуют ДИАГНОЗ и ЛЕЧЕНИЕ. На этом же уровне такое основание исчезает, если можно так выразиться, но соответствующая структура событий, хоть уже и не такая очевидная, всё-таки прослеживается как когнитивное эхо. И вдобавок ко всему мировое значение системы антисемитских метафор Гитлера можно считать упрощённой версией библейского сценария о падении и избавлении Человека.

Именно в этом значении З. Фридлендер говорит об особом "избавительном" аспекте антисемитизма гитлеровских нацистов, а Х.-Э. Берш приписывает им создание "политической религии", сравнивает библейские аллюзии в "Майн кампф" с мистическими аспектами работ других ведущих идеологов национал-социализма, таких как Дитрих Эккарт, Йозеф Геббельс и Альфред Розенберг, и приходит к выводу о том, что одним из главных компонентов фашистской идеологии была "религиозная составляющая". Однако спорным является то, насколько неконкретное и единичное использование Гитлером религиозных понятий (дьявольское еврейство, богоподобные или божественные арийцы, создание Божье, Божья воля, провидение, вера, грех) способно было создать логическую структуру, чтобы считаться "политической религией". На наш взгляд, более содержательные и систематические отсылки к мистическим текстам Библии в работах Розенберга и Эккарта дают им больше шансов претендовать на ведущую роль в рас-

крытии религиозного содержания нацизма, чем Гитлеру. С другой стороны, библейские отголоски в самой идее дьявольской угрозы человечеству и всему мирозданию с их последующим избавлением в "Майн кампф" Гитлера несомненно смогли представить хорошо знакомую большинству читателей последовательность событий, дав возможность провести параллели с другими группами его концептуальных метафор. Эти параллели заметно усилили логичность и доказательность всего сценария.

4. Заражение "расы" и крови

Апокалипсический прогноз Гитлера по поводу состояния здоровья нации и мироздания всё ещё не был строгой гарантией полного истребления расовой группы – потенциального ВОЗБУДИТЕЛЯ БОЛЕЗНИ. Для лечения даже самого страшного заболевания совсем необязательно полное истребление возбудителя. Это справедливо и по отношению к "болезням общества", которые воспринимаются как серьёзная, но преодолимая угроза "телу политики". По утверждению З. Зонтага, метафора БОЛЕЗНИ в политических теориях эпохи Ренессанса и Просвещения имела своей главной целью "воодушевление правителей на поиски более рациональной политики", когда совсем не предполагалось уничтожение социальных групп, наций и рас. Полной противоположностью оказались радикальные выводы Гитлера из наилучшего возможного сценария, а его апокалипсический взгляд на угрозу всем видам ещё больше поднял ставки.

Евреи были в представлении Гитлера марионетками в мировом заговоре. Гитлер твёрдо верил в существование "Договора старейшин Сиона", но даже он допускал, что

евреи могут не знать о той роли, которую им предстоит сыграть. Для того чтобы воплести эту теорию заговора в свой антисемитский сценарий болезни и лечения, ему требовалось объединить абстрактный образ "еврейства" с конкретным актом заражения крови как причины заболевания, который уже был употреблён им ранее (пример 3) по отношению к еврейской прессе. Понятие ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ находилось в центре целой серии вариантов для придания большей жестокости в "Майн кампф". В основной версии Гитлер уподобляет евреев гадюке или ядовитой змее (Viper, Kreuzotter, Schlange), при укусе которой яд (Gift, Völkergift, Vergiftung) сразу проникает в кровеносную систему (Blut, Blutzufuhr, Blutlauf) жертвы. В другом случае "еврейство" представлено как кровопийца, пиявка (Blutegel, Blutsauger) или простой паразит (Parasit, Schmarotzer). Б. Хоукинс, особым образом относившийся к стилю письма Гитлера и других последователей нацизма, ярко осветил контраст между высокой ценностью существа, "которое имеет самое прямое отношение к жизни внутри тела", и крайне негативной оценкой паразитов, "поддерживающих жизнь в своём теле, высасывая питательные вещества из другого". По третьей версии "еврейство" является бациллоносителем (Bazillus, Bazillenträger, Erreger). Эта версия связана с ещё одним вспомогательным сценарием разложения (Fäulnis), где евреи предстают в роли разлагающего фактора (Ferment der Zersetzung), такого как грибок (Spaltpilz) или личинка (Made), либо способного к размножению возбудителя: паразита, особенно крысы (Ungeziefer, Ratten), разносчиков губительных продуктов гниения (Leichengift). В свою очередь сценарий инфекции

схож с общим понятием эпидемии (Seuche), которым Гитлер также пользуется для описания влияния "еврейства" на общество, а именно эпидемии чумы (Pest) и сифилиса (Versyphilitisierung).

Кровь для Гитлера также была носителем расовой наследственности, и рождение общих детей у представителей разных рас, являясь кровосмешением, вело к "физическому и умственному регрессу и, как следствие, медленному, но верному процессу вырождения" (см. пример 10). Вера в то, что мы бы назвали "генетическими" различиями крови, была основана не на особой суеверии Гитлера, а соответствовала околонучной теории о том, что в крови ребёнка присутствует кровь и, следовательно, наследственность обоих родителей. Такое отношение к крови как "четырёх видам темперамента" сохранялось до XIX века, и только в XX веке получила общее признание "генетика" Менделя. Таким образом, Гитлер мог рассчитывать на то, что его аудитория поймёт равенство "КРОВЬ = НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ" как традиционное при обсуждении наследственности. Неизбежным выводом станет следующий: "ЗАРАЖЁННАЯ КРОВЬ" значит "ЗАРАЖЁННАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ". В рамках этой конструкции потенциальный "ВОЗБУДИТЕЛЬ ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ" "ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА" Германии, как и арийской расы и мира в целом, т. е. "еврейство", представляло опасность не только для одного поколения, а для будущего всего человечества. Такая продолжительная угроза делала ещё более необходимым истребление всех потенциальных возбудителей: бацилл, ядовитых змей, пиявок и паразитов.

Однако в приводимой Гитлером аргументации всё ещё не хватало ключевого элемента в сценарии ЛЕЧЕНИЕ ПУТЁМ УНИЧТОЖЕНИЯ для того, чтобы сделать нужный исход моральной необходимостью. Согласно терминологии сферы-источника, т. е. биологического или медицинского дискурса, бактерии, ядовитые змеи, пиявки и паразиты обычно и называются "возбудителями заболевания". Но, будучи организмами, лишёнными сознания и сознательности, они не могут нести ответственности за результат своей "деятельности". Гитлер же, напротив, приписывает еврейству полное осознание того, что оно является возбудителем заражения крови, и прежде всего объясняет, каким образом им удавалось совершать такое губительное расовое кровосмешение. Всё это раскрывает нам очень низкую, порнографическую сторону антисемитизма, которая едва заметна за консервативными фразами текста, но очевидна в речи и монологах правящих кругов. В одном из отрывков, пользующихся особо дурной славой, Гитлер открыто говорит о том, как он представляет себе такое "кровосмешение":

(14) Черноволосый молодой еврейчик вертится около нашей невинной, ничего не подозревающей девушки, и на его наглom лице можно прочесть сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить её кровь [das er mit seinem Blute schändet] и тем самым лишить наш народ еще одной здоровой немецкой матери. Всеми средствами стараются евреи разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они

не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим народам.

Неотъемлемым компонентом этой ужасной версии "заражения крови" является резкий контраст между заведомо порочной агрессией "черноволосого молодого еврейчика" и абсолютной невинностью "ничего не подозревающей девушки". Таким образом, осквернение "евреями" нееврейской крови признаётся односторонним актом преступной агрессии. Это подразумевает оправдание любых оборонных действий как со стороны самой жертвы, так и спасителя, пришедшего ей на помощь. Понятие ОСКВЕРНЕНИЕ КРОВИ обычно имело значение нежелательных половых связей и само по себе не являлось очень ярким образом, но становилось очень ярким и важным в метафорической версии Гитлера о ЗАРАЖЕНИИ КРОВИ КАК ПРИЧИНЕ БОЛЕЗНИ НАЦИИ. Здесь Гитлер проводил параллель между сферой-мишенью и биологической сферой-источником, добавляя моральный аспект сексуального нападения еврея на жертву другой расы. Такой поворот событий является спорным, и поэтому нам придётся внести последнюю поправку к сценарной схеме, а именно ввести промежуточное звено между исходными сценариями сферы-источника и сферы-мишени:

(15) Промежуточный сценарий II

А") НАМЕРЕНИЕ ЕВРЕЕВ УНИЧТОЖИТЬ ОСНОВНЫЕ УСТОИ ДЕВСТВЕННОЙ РАСЫ/НАРОДА ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ.

В") ОСКВЕРНЕНИЯ РАСЫ НЕВИННОЙ ДЕВУШКИ ЕВРЕЙСКИМ НАСИЛЬНИКОМ, ЧТО МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ/НАКАЗАТЬ ПУТЁМ.

С") НАКАЗАНИЯ ЕВРЕЯ-ПРЕСТУПНИКА.

По версии этого сценария "евреи" рассматриваются в качестве особо чуждого человечеству вида паразитов, которые в отличие от природных паразитов, действующих бессознательно, намеренно пытаются проникнуть в наибольшее количество рас. И так как заражение имеет для жертвы летальный исход, потенциальная "победа" поработителей станет и своего рода возмездием им: вместе с побеждённым народом умрёт и паразит: конец свободе поработителей еврейскими народами становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир. Следовательно, евреи становятся всеобщими супер-паразитами, у которых есть не только желание уничтожить другие расы, но которые будут это делать, так сказать, из принципа, даже рискуя уничтожить самих себя. Гитлеру удалось провести параллели между биологическим понятием ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ и нравственным ОСКВЕРНЕНИЕМ КРОВИ, успешно стирая тем самым границы между биологическим и общественным. Это позволило ему без особых усилий и доказательств миновать различные уровни в сфере-источнике и сфере-мишени. Называя "еврейство" заразным паразитом, Гитлер, по его мнению, даёт "достоверную" характеристику, соответствующую сценариям и сферы-источника, и сферы-мишени.

5. Заключение

Проследив развитие образов в биолого-медицинском сценарии "Майн кампф", мы пришли к тому, что можно назвать "гранитным фундаментом" идеологии Гитлера. Он включает в себя рассмотрение предполагаемого расового

конфликта между арийцами/немцами и евреями, где последние предприняли смертельную атаку по осквернению крови тела немецкой нации. Как уже говорилось выше, термин ЗАРАЖЕНИЕ КРОВИ может пониматься в трёх значениях: а) как реальный акт осквернения крови через изнасилование евреем девушки арийской расы, б) как составная часть исходного сценария заболевания и излечения и в) как элемент аллегии в псевдорелигиозном, апокалипсическом повествовании о дьявольском заговоре против великого замысла Творца. Такой анализ позволяет объяснить метафорическую природу антисемитизма Гитлера, признавая его предвестником холокоста. Метафорические модели, по которым строится образ евреев как паразитов, становятся внешне очень логичными и связными не по причине своего особенного содержания, а через введение их в состав сценариев, обладающих чёткой внутренней логикой. Таким образом, стал возможным перенос выводов, полученных на уровне сферы-источника о биогигиенических мерах (необходимости полного уничтожения причины болезни) на уровень сферы-мишени ("борьбы против так называемого влияния еврейства"). Более того, Гитлер не остановился на моделях, находящихся лишь в одном измерении, а дополнил их идеей о всеобщем "избавлении путём уничтожения" и промежуточным звеном между сферой-источником и сферой-мишенью. Это позволило ему утверждать о достоверности преступления против чистоты крови и о справедливости системы соответствующих метафор для описания роли "еврейства" в немецком обществе и мире в целом.

Внутри такой всеобъемлющей "суперсистемы" анти-семитских метафор концептуальные границы между сферой-источником и сферой-мишенью были стёрты: для Гитлера любой контакт между немцами и евреями становился кровосмешением и, следовательно, осквернением и заражением крови. Разница концептов сферы-источника и сферы-мишени сложилась в систему убеждений, не поддающихся критике, так как теперь разные уровни сценария стали взаимодополняющими. Спорные утверждения на уровне сферы-мишени были "доказаны" на уровне сферы-источника и наоборот. Посторонние факты, не соответствующие нужному сценарию, могли быть просто отвергнуты как обманный трюк, использованный "великим мастером лжи", т. е. "еврейством". И если бы при разработке идеологических метафор в духе Макиавелли нужно было добиться наибольшего эффекта, то гитлеровская многослойная модель национального и всеобщего избавления путём геноцида, несомненно, могла бы считаться наиболее эффективной концептуальной системой всех времён.

Эти результаты проливают новый свет на основные аспекты исследования холокоста, которые обсуждались и историками и широкой публикой. Разрешить спор о происхождении холокоста, преднамеренном или больше функциональном, помогает проникновение в самую суть системы концептуальных метафор Гитлера в "Майн кампф": казалось бы, для него полная ликвидация была наиболее благоприятным "решением" того, что он называл "еврейским вопросом", причём уже в 1924–25 гг., когда и была написана книга. И если это действительно так, то реализация его планов по осуществлению геноцида была скорее

вопросом времени и обстоятельств, а не просто одним возможным вариантом из нескольких. Это требует от нас серьёзно относиться к метафорам "Майн кампф", понимать их в широком смысле и не пренебрегать ими. Хорошо известно, что многие современники Гитлера 20–30-х годов не понимали их истинного значения. Однако веским контраргументом может считаться тот факт, что далеко не все поняли прогнозы, изложенные Гитлером в "Майн кампф", такие, например, как военная экспансия и завоевание "жизненного пространства" на Востоке, однако это не помешало им претвориться в жизнь.

Предметом дальнейшего эмпирического исследования может стать определение того, каким образом и на какой ступени на "пути к геноциду" разные слои немецкого общества поняли значение сценария лечения немецкой нации путём уничтожения евреев – разносчиков заразы. По данным исследования общественного мнения 1930 года, толкование значений на различных сценарных уровнях системы метафор Гитлера не было одинаковым. Вполне понятно, что они с самого начала полностью "понимались" ближайшим кругом соратников Гитлера, тогда как обществу, включая и будущих жертв, они представлялись сумасбродной вульгарной болтовнёй. Даже те сторонники нацистского движения, которые не гнушались ни крепкого словца, ни акций агрессии против еврейского народа, могли и не видеть в сценарии БОЛЕЗНЬ – ЛЕЧЕНИЕ намёков на геноцид. Для них, как и многих других (офицеров и солдат вермахта), посвящённых в истинный смысл идеи до и во время вторжения в Советский Союз, полное осознание всех значений такого сценария оказалось бы фактически

новой информацией, но вместе с тем к ним пришло бы и понимание концептуальной модели, которая на их глазах "становилась реальностью".

Предметом дальнейшего исследования будет и определение того, каким образом немцы получали сведения о реальных зверствах и как относились к ним в нацистской Германии, стране, где на евреев было поставлено клеймо "заразного паразита", причём пропаганда такого образа глубоко проникла в разные слои общества. И снова результаты могут колебаться между толкованием сценария как более или менее сознательного способа несколько приукрасить неприятные воспоминания свидетелей событий и тем, что он цинично использовался в качестве прикрытия самими преступниками и их сообщниками. Последнее бы хорошо сочеталось с маскировочным жаргоном, характерным для периода холокоста, в который входили "сосредоточение", "депортация", "особое обращение", "окончательное решение" и т. д. Тогда первый вариант прочтения сценария мог бы стать выгодным для преступных руководителей холокоста, встав на защиту их действий по уничтожению (истреблению евреев как возбудителя заражения крови). В этом случае различные слои общества могли бы и сами догадаться, что за лечение требуется в случае такого заражения.

Проведённый анализ ключевых антисемитских метафор в "Майн кампф" показал, что когнитивное воссоздание метафорических образов в такой расистской идеологии, как нацизм, не может ограничиваться отношением к метафорическим выражениям лишь как приёму украшения речи. Более того, требуется их тщательное изучение на пред-

мет понятийных связей, заключённых в сценариях, в особенности того, как они способствуют переключению сознания между уровнями буквального и переносного значений, когда речь идёт об оправдании геноцида и его подготовке. Система антисемитских метафор, разработанная нацистами, представляет собой яркий пример того, как сила когнитивных смыслов может сослужить службу расистскому клеймению и последующему геноциду, являясь "предупреждением истории" о том, насколько высока цена непонимания и недооценки метафор в политическом дискурсе.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте методологию исследования А. Муссолффа.
2. Какие сферы-источники были задействованы в антисемитском дискурсе?
3. Каким прагматическим потенциалом обладали метафоры, актуализированные в антисемитском дискурсе?

3.3. Политическая метафорология

Политическая метафорология – одно из направлений исследований политической коммуникации, активно развиваемое Уральской школой политической лингвистики. В этом разделе представлена статья профессора РГППУ Э. В. Будаева и профессора УрГПУ А. П. Чудинова, в которой обозначены основные положения данного направления.

Методологические грани политической метафорологии

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении политической лингвистики и метафорологии.

Становление первой области исследований – политической лингвистики – связано с планомерным изучением политической коммуникации, которое началось еще в середине прошлого века и опиралось на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Пола Лазарсфельда, Уолтера Липпманна, Виктора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других видных специалистов. В конце прошлого столетия в лингвистике формируется обособленное направление, в центре внимания которого находится теория и практика анализа политического дискурса. Для обозначения этого направления исследований в мировой науке закрепилось наименование "политическая лингвистика", хотя иногда встречаются и смежные обозначения, акцентирующие те или иные аспекты политического семиозиса (напр., "политологическая филология", "политологическое литературоведение", "политологическая лингвистика", "политическая семантика", "политическая дискурсология").

Вторая область исследований, по сути, имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на

значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень. В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – метафорология, объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). Метафорология объединяет усилия философов, логиков, специалистов в области информатики, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов и представителей иных наук для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры.

Сближение этих двух направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. Возникновение политической метафорологии – одно из проявлений общей тенденции в эволюции современной лингвистики, проявляющейся в утверждении принципов методологического плюрализма, антропоцентризма и междисциплинарности.

Функционирование метафоры в политическом дискурсе довольно сложный феномен, поэтому неудивительно, что политическая метафора как объект политической метафорологии рассматривается с разных методологических позиций и в разных дисциплинах.

1. Политическая метафора и когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.).

В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили особое распростра-

нение. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены основателями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Помимо общей характеристики теории, американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к когнитивному анализу политической метафоры по всему миру.

На современном этапе исследователей когнитивной политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры "коллективного подсознательного", которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как "сознание (подсознательное) определяет метафоры". Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе

для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле "метафоры определяют сознание". Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

По степени детализации анализируемого концептуального содержания можно выделить несколько подходов к когнитивному анализу политической метафоры. На первом уровне анализа выделяется группа исследований, авторы которых детально изучают метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника.

При более широком охвате ученые анализируют одну конкретную сферу-источник метафорической экспансии и детально ее описывают. Опыт показывает, что сосредоточение внимания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее "под лингвистическим микроскопом" и благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. Так, И. В. Телешева [2004] детально рассмотрела российские и американские метафоры со сферой-источником "Болезнь". В диссертации Н. М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником "Неживая природа" в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобный характер имеют, в частности, недавние исследования А. Мусолффа [Musolff 2006], проанализировавших метафоры родства в политических дискурсах нескольких европейских стран.

На следующем уровне предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по опре-

деленным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании А. Б. Ряпосовой [2002] детально анализируются метафорические поля со сферами-источниками "Война", "Криминал" и "Мир животных", которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н. Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками "Спорт" и "Театр", которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Т. С. Вершининой [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора) в современном российском политическом дискурсе.

На самом общем уровне исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии. Лингвисты осуществляют мониторинг комплексов метафорических моделей за продолжительные периоды времени и создают лексикографические описания. В России ярким примером такого подхода стали словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994]. В 1999–2002 гг. в Билефельдском университете был реализован российско-немецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорике эпохи перестройки и "поворотного" периода (*die Wende-Periode*) в Германии.

В XXI в. по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор. Среди них монографии А. Мусолф-

фа [Musolff 2000, 2004], А. П. Чудинова [2001, 2003], Дж. Вэй [Wei 2001], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004].

2. Политическая метафора и дискурс-анализ. Как показывают специальные обзоры, в лингвистике нет однозначного определения термина "дискурс". По справедливому замечанию Дж. Юла, "дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова "oh" и "well" используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, напр., в образовательных или политических дискурсивных практиках" [Yule 2000: 83].

Наибольшее распространение получило определение дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров 1989: 8], как "текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами" [Арутюнова 1990: 136–137]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на исследование социального неравенства, выраженного в

дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления "не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию" [van Dijk 1993: 253]. В современной лингвистике критический дискурс-анализ получил широкое распространение, особенно применительно к анализу метафорики антииммигрантского дискурса [Baker, McEneaney 2005; El Refaie 2001; Santa Ana 2002].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области политической коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа "пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся" [Chilton 2004: x]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны представители критического дискурс-анализа указывают на "мистический" характер когнитивных изысканий. В частности Н. Фэрклоу и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в "черный ящик" сознания [Chouliaraki, Fairclough 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка политической метафоры препятствует ее адекватному описанию. Как отмечает Е. С. Кубрякова, "в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны, и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям" [Кубрякова 2004: 520].

Вместе с тем среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все боль-

ше сторонников [Musolff 2004; Zinken 2002]. В частности, известный специалист в области критического дискурса-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что "когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурсе-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера" [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Специальных исследований по воздействию исследований метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако едва ли можно полностью отрицать влияние научной деятельности официального советника Демократической партии Дж. Лаккоффа на недавнюю победу демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги, которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации и получили самый широкий резонанс далеко за пределами научных кругов).

При дескриптивном подходе к дискурсу-анализу политической метафоры превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В политической метафорологии дескриптивный дискурсу-анализ представлен многими направлениями. Среди

них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006].

Важное место в политической метафорологии занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (ССС-theory) Х. де Ландтсхеер и ее единомышленников. Некогда Х. де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами. Х. де Ландтсхеер и Д. Фертессен, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат политической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эври-

стики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, "дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т. е. не может быть описанной вне указания на "среду" ее функционирования" [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев, Чудинов 2006б]).

3. Политическая метафора и лингвокультурология. Лингвокультурология – направление современной лингвистики, возникшее на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из актуальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафорики. "Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков –

вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже" [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что "наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры" [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Апресян Ю. Д., Баранов А. Н., Верещагин Е. М., Гак В. Г., Караулов Ю. Н., Костомаров В. Г., Кубрякова Е. С., Успенский Б. А. и др.).

Ряд примеров лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса "Язык ислама" [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является "тенью Бога на земле". Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собира-

тельный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе, и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Достаточно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств [Будаев 2006]. Межкультурное сопоставление политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Причины культурного своеобразия национальных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими фак-

торами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовую символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом большое значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, напр., "носит красную шляпу", косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75–77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна Интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Межкультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и

при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Напр., израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти [Abadi, Sacerdoti 2001], сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником "Война" более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфликты находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США "культ спорта". В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафорики, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

4. Политическая метафора, психология и нейронаука. Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистическим и психоаналитическим методикам при анализе политической коммуникации. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Среди исследований политической метафорики, находящихся основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография С. Кина [Keen 1988]. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, автор обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. С. Кин показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противостоящие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, среди которых наиболее распространены образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinus, Penny 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

Свои собственные эвристики в рамках этой методологической группы предлагает психолингвистика. Психолингвистические методы исследования метафорики позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, что недоступно при традиционном анализе политдискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Методы психолингвистики особенно важны при решении вопроса об эффективности использования метафор. Анализ политического или медийного дискурса позволяет только гипотетически говорить о воздействующей силе метафоры, а для получения достоверных данных необходимо обратиться непосредственно к сознанию адресата коммуникации.

В качестве примера можно привести исследование Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части поставленного ими эксперимента изучалась эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Испытуемые читали неметафорическое и метафорическое описание политики шовинистической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о возможных путях противодействия подобной политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи испытуемых, буквальные выражения не менее эффективны.

Помимо анкетирования ученые активно используют метод интервью. Преимущество этого метода связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в

ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов. Подобная методика применяется в работах Д. Херадштейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit, Bonham 2005; Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002].

В ряде исследований политическая метафорология обогащается эвристиками нейролингвистических теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры. Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии метафорологии как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что "когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне" [Lakoff, Johnson 1999: 570]. Если в когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественнонаучный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивной метафорой и метафорическим выражением рассматривается уровень моделируемых коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 1990-х гг., когда ряд

лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Напр., при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Lakoff, Johnson 1999: 583].

Практическим применением этой теории стали разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Одну из таких программ С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

Исследования политической метафористики с использованием психолингвистических и нейропсихологических методов позволяют посмотреть на феномен политической метафоры с новых позиций и скорректировать предположения, принимаемые при других методологических подходах без верификации.

5. Политическая метафора и общественные науки. Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот феномен все чаще вызывает интерес у представителей широкого круга общественных дисциплин: историков, социологов, политологов. В исследованиях подобного рода метафора не является первоочередным пред-

метод исследования, вместе с тем в общественных науках анализ метафор становится распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности, метафорическую природу политической картины мира.

В частности, исследование политической метафоры – распространенное явление в политологических публикациях [Бляхер, Говорухин 2006; Потапчук 2006; Межуев 2006; Canedo 1997; Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999]. Примечательно, что политологи, часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. Напр., занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не связана с метафорой ("Идеология в структуре политического процесса"), С. В. Куньшиков делает вывод о том, что "идеология "работает" в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности" [Куньшиков 2006: 10].

В диссертации Б. Н. Халитова [2006] предпринимается опыт анализа "языковой войны" не только как публицистической метафоры, описывающей столкновение интересов каталонской и кастильской языковых групп в начале 1990-х гг., но и в качестве теоретико-политического концепта, когнитивного инструмента. Функция метафорического концепта проявляется в описании политического феномена и объяснении его причин.

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. В качестве примера может привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж. Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, прослеживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение, при котором детерминистическая механистическая метафора вуалируется театральной метафорой, что только эксплицитно затемняет дегуманизацию современного общества, но имплицитно свидетельствует о представлениях его представителей о предопределенности и механистичности современной политики и общественных отношений.

Разность метаязыка описания политической метафоры в когнитивной лингвистике, истории, политологии и других дисциплинах не мешает отмечать схожесть выводов, что служит свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной сущностными закономерностями функционирования политической метафоры. Вместе с тем каждая из методологических граней политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в несколько ином свете и приблизить исследователей к

решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте основные направления политической метафорологии.

2. Какое влияние на становление политической метафорологии оказала теория концептуальной метафоры?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта, 2008. С. 76–97.
2. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 26–32.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
4. Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 70–79.
5. Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1(110). С. 6–13.
6. Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6(60). С. 12–17.
7. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 15–25.
8. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский

- и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35–77.
9. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: Ставропольское отделение РАЛК. 2007. № 5. С. 89–99.
 10. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 75–94.
 11. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 25–38.
 12. Будаев Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 37. С. 11–16.
 13. Будаев Э. В. Сопоставительный анализ политической метафоры // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (67). С. 106–114.
 14. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. Вып. 20. С. 167–175.
 15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 188–200.
 16. Будаев Э. В., Чудинов А. П. «Metaphors We Live by»: трансформации прецедентного названия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 78–83.

17. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 25–38.
18. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *Respectus Philologicus*. 2006. № 9(14). С. 10–19.
19. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафористики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 88–92.
20. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010. 474 с.
21. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: ФЛИНТА, 2018. 352 с.
22. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2012. 248 с.
23. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
24. Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 125 с.
25. Гаврилова М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб: Изд-во СПбУЭФ, 2003. 23 с.
26. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 144 с.
27. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

28. Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 1998. Вып. 1. 283 с.
29. Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 2000. Вып. 2. 479 с.
30. Романов А. А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. М.: ИЯ РАН, 2002. 191 с.
31. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002. С. 337–383.
32. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова. Екатеринбург, 2011. 251 с.
33. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба [и др.]. Екатеринбург, 2016. 308 с.
34. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 41–50.
35. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2012. 256 с.
36. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник

- Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 17–29.
37. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 167–175.
38. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
39. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева и др. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 201 с.
40. Bates B. R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. 2004. Vol. 55. № 3. P. 447–463.
41. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // *Communication Studies*. 2001. Vol. 52. P. 70–84.
42. Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 2000. Vol. 54(2). P. 65–76.
43. Carpenter R. H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // *Quarterly Journal of Speech*. 1990. Vol. 76. P. 1–22.

44. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
45. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005. 239 p.
46. De Landtsheer Ch. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24(3/4). P. 299–342.
47. De Landtsheer Ch., De Vrij I. *Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis // Metaphorical World Politics / Ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer*. East Lansing: Michigan State University Press, 2004. P. 163–189.
48. Van Dijk T. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(2). P. 243–289.
49. Drulák P. *Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity*. Режим доступа: www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc.
50. Fauconnier G. *Generalized Integration Networks // New Directions in Cognitive Linguistics / Ed. by V. Evans, S. Pourcel*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 147–160.
51. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

52. Gallese V., Lakoff G. The Brain's Concepts: The Role of the Sensory-Motor System in Conceptual Knowledge // *Cognitive Neuropsychology*. 2005. Vol. 22(3/4). P. 455–479.
53. Gibbs R., Wilson N. L. Bodily Action and Metaphorical Meaning // *Style*. 2002. Vol. 36(3). P. 524–540.
54. Grady J. Primary Metaphors as Inputs to Conceptual Integration // *Journal of Pragmatics*. 2005. Vol. 37, № 10. P. 1595–1614.
55. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / Ed. R. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 101–124.
56. Hardy V. *Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis*. Washington, 2003. 114 p.
57. Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // *Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research* / ed. J. Koivisto, E. Lauk. Tartu: Tartu University Press, 1997. P. 121–141.
58. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 81–116.
59. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4. P. 252–265.
60. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

61. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Science for Peace. 1991. March 1.
62. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
63. Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 184 p.
64. Musolf A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. Vol. 21(3). P. 216–229.
65. Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004. S. 481.
66. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115–126.
67. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 2. P. 115–137.
68. Rohrer T. To Plow the Sea: Metaphors for Regional Peace in Latin America // Metaphor and Symbol. 1991. Vol. 6(3). P. 163–181.
69. Stelzner, H. G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross // Communication Monographs. 1977. Vol. 44. P. 284–287.

70. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10(3). P. 183–204.
71. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York, 2000. P. 133–145.
72. Walter J., Helmig J. Discursive Metaphor Analysis: (De)Construction(s) of Europe // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. London: Routledge, 2008. P. 119–131.
73. Wee L. Divorce before marriage in the Singapore–Malaysia relationship: The Invariance Principle at work // Discourse and Society. 2001. Vol. 12(4). P. 535–549.
74. Wei J. M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. Lanham: Lexington Books, 2001. 144 p.
75. Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. 262 S.

Учебное издание

Будаев Эдуард Владимирович

Введение в политическую лингвистику

Учебное пособие

Издательство «Наукоемкие технологии»

ООО «Корпорация «Интел Групп»

<https://publishing.intelgr.com>

E-mail: publishing@intelgr.com

Тел.: (812) 945-50-63

Подписано в печать 16.10.2020.

Формат 60×84/16

Объем 10,5 п. л.

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6044793-7-7

9 785604 479377